

ТАША МУЛЯР

просто о неппростом

История
про любовь,
которая
к каждому
приходит
своим путем

с неодоли

Жизнь без дублей. Просто о непростом с Ташей Муляр

Таша Муляр

**Игры с небом. История про
любовь, которая к каждому
приходит своим путем**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Муляр Т.

Игры с небом. История про любовь, которая к каждому приходит своим путем / Т. Муляр — «Эксмо», 2024 — (Жизнь без дублей. Просто о непростом с Ташей Муляр)

ISBN 978-5-04-199139-5

Две удивительные героини. Две непохожие истории. Судьбоносные решения, которые им предстоит принять, оставят в душе читателя чувство светлой грусти. Вам ни за что не захочется расставаться с этими невероятно сильными женщинами. Этот трогательный роман поможет осознать ценность любви и счастья. Он о том, как важно уметь прислушиваться к себе и не отступать. Когда кажется, что стоит все бросить и выбрать легкий путь, героини Таши Муляр доказывают, что истинная любовь стоит ожидания. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199139-5

© Муляр Т., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Таша Муляр

Игры с небом

© Таша Муляр, текст, 2024

© Давлетбаева В.В., иллюстрации, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Говорю вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся.
Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам

Через месяц после свадьбы она поняла, что не любит своего мужа. Всё бы ничего, но она была на седьмом месяце беременности, что, согласитесь, заставляет задуматься. Малыш толкал будущую мать изнутри и требовал отца, а это было ответственностью матери.

Глава I

Айша

Как это часто бывает в молодости, познакомились они на общей вечеринке. Айшу позвала подруга, Германа пригласил друг.

Он был старше неё почти на десять лет. Остроумно шутил, элегантно курил, с прищуром смотрел на женщин.

Во всём его облике было что-то неуловимое, ускользающее, эдакая загадочность на грани с мужественностью и обещанной нежностью одновременно. Она к нему не приближалась. Наблюдала на расстоянии весь вечер. Присматривалась и примерялась. Её или не её история. Понять не могла. Когда тебе двадцать с небольшим, а мужчине тридцать – это уже приличная разница.

Компания была большая и шумная. Что отмечали, не помню. Помню только, что собирались в мастерской у Мишки-художника. Откуда подруга Айши его знала, тоже неясно. В конце 90-х таких мастерских уже почти не осталось. Те, что были, продавались под офисы или шикарные квартиры. А тут целый дом художников, чудом сохранившийся в их 2001 году. Вроде Мишкин отец владел этой квартирой-мастерской, и тот, пользуясь возможностью, принимал у себя всю их дружную компанию.

Огромные окна были небрежно закрыты холщовой тканью. Днём через щели струился свет, в его лучах играли пылинки. Вечером же огромное помещение, размеры которого из-за многочисленных скульптур и недописанных холстов, стоящих тут и там, определить было невозможно, было погружено в полумрак. Редкие бра и торшеры, раскиданные хаотично, высвечивали куски полотен с застывшими на них пейзажами и натюрмортами. Любопытные лица взирали с портретов, будто желая присоединиться к собравшимся.

Вечеринка близилась к концу, густой туман сигаретного дыма не позволял видеть дальше коленок рядом сидящей подруги; ряды опустевших бутылок вина различных сортов – кто что принёс – стояли по всей мастерской, грустя без своего содержимого, потерянного навсегда. Печальный Крис де Бург вспоминал свою «Леди в красном», а мерно движущиеся под его голос пары прильнули друг к другу со страстью, прямо пропорциональной количеству вина. И Айша решила подойти. Предварительно она расспросила подругу.

– Ты знаешь, кто это?

– Ты о ком?

Айша показала глазами в сторону «клумбы» из девчонок с «садовником» внутри.

– А, так это же Герман, «кто ж его не знает», – процитировала подруга известную песню и засмеялась. – Загадочный и недостижимый, со всеми и ни для кого, Мишкин друг.

– Пойду познакомлюсь... Такой уж и недостижимый? – Айша встала, прошла мимо смеющейся компании, внимательно приглядываясь к Герману. Зашла в ванную комнату, достала расчёску, привела в порядок свои роскошные каштановые волосы. Уж как она не дала их отрезать? Чудом сохранила. Все уговаривали мать отрезать, чтобы не возиться с косами и непослушными причёсками. Айша была маленькая – как родилась маленькой, так ею и осталась, а может, в мать пошла – росточку всего 160 сантиметров, хрупкая, гибкая, с прозрачной кожей и невероятными зелёными глазами – это в отца. Глаза меняли цвет от освещения и одежды, как хамелеоны, принимали на себя цвет окружающего пространства и оттого казались колдовскими, особенно когда она распускала волосы, доходившие до пояса. На контрасте с каштановой волной глаза сияли и манили в буквальном смысле слова. Айша же ещё, в силу своего возраста, не понимала своей чарующей красоты, а просто, как любая девчонка, хотела быть привлекательной.

Герман сидел в окружении самых видных дам вечеринки, рассказывал очередную невероятную историю, переводя взгляд с одной на другую и намеренно не выделяя никого. Это было непривычно.

Обычно ещё в начале вечера все одинокие примерно прикидывали, кто кому подходит, знакомились и держались рядом.

Были и такие, как Айша, – решившие, что сегодня не их вечер. Они переговаривались между собой, перекидывались ничего не значащими словами друг с другом и с хозяином вечера, обсуждали картины, расставленные по всей мастерской, медленно потягивали вино или быстро осушали рюмки с водкой, покуривая очередную сигаретку. А этот, ишь ты, собрал вокруг себя толпу девчонок – и вроде со всеми, а вроде и ни с кем.

Зазвучала модная тогда «Люби меня, люби» группы «Отпетые мошенники», на Айшу подействовало вино и романтический флюид танцующих пар – она рискнула. Откуда смелость взялась?

– Девушки, а что это вы Германа захватили? Совсем не даёте ему отдыхать. Всех историй не переслушать! – Айша шагнула в центр «клумбы» из благодарных любительниц остроумных баек. – Разрешите вас пригласить? Объявляю белый танец!

Она обвела взглядом сидящих вокруг, поправила волосы, волной спускавшиеся по плечам, взяла Германа за руку и, как само собой разумеющееся, повела его в центр комнаты.

Он явно не ожидал такого поворота, хотя было видно, что уже устал от своих слушательниц и хотел куда-нибудь срулить, а тут – вот тебе на! – такое предложение.

«Симпатичная. Молоденькая только совсем, ну да ладно, пойду разомнусь», – подумал Герман.

Мужчина поднялся, словно просочившись сквозь свой «кружок по интересам», и в этот момент ощутил аромат каштановых волос и маленькую тёплую ладошку, крепко взявшую его за руку.

«Ну и хватка у малышки». – Он с интересом и даже с некоторым недоумением пошёл за ней.

Потом он поехал её провожать. Долго кружил по ночной Москве на старенькой «Ниве». Было неожиданно, что у него такая простая машина, весь образ говорил об обратном. Она ожидала увидеть какую-нибудь старую иномарку. Тогда стало модным привозить их из Польши или Германии. Привыкшие к отличным дорогам и прекрасному обслуживанию на своей родине, машины, оказавшись в России, выглядели достаточно «непуганными». Вроде как страшно, но вида не показывают.

– Почему «Нива»? – удивлённо спросила она.

– Это отца машина. Он, когда из семьи ушёл много лет назад, нам с матерью её оставил в качестве отступного. Вроде как извинялся. Мол, продадите – будут деньги. Алименты не платил никогда, ушёл и ушёл. Я уже взрослый был, двадцатилетний. Ну, и мы с матерью решили, перекрутимся. Продавать не стали. Права получил. Научился у мужиков в гаражах ремонтировать. Езжу пока. Хотя у меня есть вторая машина. Друг из Германии гоняет. Отличный мерс привёз. Покажу тебе потом. – Всё время, пока говорил, он лихо выруливал из двора на шоссе, мчался в сторону центра. – В «Станиславский» едем! Была там?

Клуб находился на Тверской. Несмотря на позднее время, Москва жила, сияла, переливалась и манила. Клуб оказался достаточно камерным. С хорошей музыкой и отсутствием орущей публики, которой она, провинциальная в прошлом девочка, откровенно боялась. Она никогда не была не то что в клубе – даже в ресторане. С институтскими друзьями встречались либо у кого-то дома, либо в соседнем с вузом кафе. Герман заказал шампанское, блины с икрой. Принесли буквально два блинчика и стеклянную банку чёрной икры – невиданная роскошь. Он рисовался перед ней, делая вид, что для него это всё обычно, просто такая жизнь у него,

а она в неё встроилась, прикоснулась к нему. Ей было с ним непривычно. Какой-то чужой и в то же время очень притягательный. Странное ощущение.

– Прости, спрошу у тебя, хотя тебя с этим вопросом достали все, наверное... Но почему Айша? Ты же не восточная девушка.

– Да, вопрос частый. – Айша улыбнулась. – Я уже привыкла к нему после того, как из Казахстана уехала, где родилась. Меня так акушерка назвала в роддоме. Роды были тяжёлые у мамы, а я живая оказалась. Айша – это «живая». Вообще, имя арабское и популярное в Казахстане. Мама хотела Дашей назвать, а вышла Айша.

– Интересно. Первый раз встречаю девушку с таким именем и такими загадочными глазами. – Герман налил ей шампанского и поднял бокал. – За знакомство, Айша!

– Очень приятно! – Она подняла свой бокал в ответ и легонько коснулась края его бокала.

– А как тебя дома зовут, ну, какие варианты имени?

– Мама звала Аишечка, подружки – Аша, ещё можно Аиша, даже Дашей можно при желании.

– А почему ты сказала «мама звала»? Что с мамой?

– Мама умерла несколько лет назад. Давай сегодня не будем об этом. Лучше расскажи про себя и свою семью. – Шампанское уже ударило ей в голову; учитывая, что до этого было вино в компании друзей, а она вообще старалась не пить, организм с трудом воспринимал спиртное. Ей будет утром плохо, а может, и сейчас будет нехорошо, уже начинало подташнивать.

– Закажи мне, пожалуйста, воды.

Он встал и пошёл искать официанта, раздумывая о новой знакомой. Загадочная девочка с зелёными глазами. Тонкая, хрупкая и в то же время со стальным характером. Такая чистая и такая взрослая. Интересный сюжет закручивается...

Айша приехала в Москву из Казахстана. Точнее, там она родилась и выросла, а путь её в столицу был очень трудным, через огромную боль и поиски себя. Не каждому даётся пройти такой путь в столь юном возрасте. Ещё и поэтому она сама удивилась своей смелости, когда рискнула пригласить на танец взрослого мужчину, окружённого толпой женщин. Неслыханно.

Отец бил мать нещадно. Старшая сестра Айши уехала из дома давным-давно. Вырвалась, как только школу окончила. Бросила мать с маленькой Айшей на руках и вечно пьяным отцом, уехала в один миг, почти без вещей, как только позвал её приятель. Больше она сестру не видела. Мать переживала страшно, но та больше не писала и не звонила – будто её и не было. У них с сестрой была большая разница в возрасте. Мать родила Айшу поздно. Отец никогда не скрывал, что не хотел её. Бил мать беременную, чтобы выбить из неё ещё одну нахлебницу. Но девочка чудом родилась, умудрилась вырасти и стать единственной защитницей матери.

Отсюда, кстати, и имя её – арабское имя у русской девочки – Айша Егоровна Данилова. Роды у матери были тяжёлыми, что неудивительно при таких обстоятельствах. Родила она её раньше срока. После очередной перепалки, когда срок уже перевалил за семь месяцев, муж в очередной раз возмутился, обратив внимание на огромный живот жены, контрастирующий с её худощавым телом, и толкнул. Она споткнулась о табуретку, перелетела через всю кухню и забилась в угол у холодильника. Резкая боль буквально скрутила изнутри, ребёнок забился и затих. На полу стало расти, растекаясь, липкое кровавое пятно...

Врач скорой, оценив обстановку, попросил водителя включить сирену. Ехали спасать мать, про ребёнка уже и не думали. Девочка родилась совсем маленькой, почти игрушечной. Когда акушерка взяла в руки практически

выпавший из роженицы скользкий сине-красный комочек, ей, несмотря на многолетний опыт, тоже показалось, что ребёночек не жилец. Она сочувственно посмотрела на мать и пошла обрабатывать новорождённую. Но, видимо, у Господа были свои планы на эту невесомую девочку. Комочек содрогнулся, венка на шее запульсировала, и девочка закричала.

– Айша. Будет Айшей. Живая, значит, живущая – по-нашему. Мою бабушку так звали. – Она похлопала малышку по спинке, ловко перевернула, перепеленала и показала матери. – Деятельная и энергичная моя бабушка Айша была, царствие ей небесное. Хорошая девочка вырастет – Айша.

Так и стала она не Дашей – а мать хотела именно Дашеньку, думала, что это мягкое такое имя, домашнее, доброе для младшей доченьки, – а пришлось Айшей назвать. Как же по-другому-то после такого случая?

Иногда у отца случались моменты просветления. Он будто перевоплощался. В дом словно входил другой человек. В эти редкие дни он мылся, надевал старый потрёпанный костюм, шёл на базар и приносил ароматные, навсегда пахнущие для неё детством огромные яблоки с розовыми румяными «щёчками». Оказывалось, что этот человек, высокий и худой, с пронзительными карими глазами и виноватым взглядом, очень любит их с матерью. Именно про это он говорил во время своего «возвращения» к ним. Всю жизнь она вспоминала его потом именно таким – добрым и внимательным, просящим прощения, с ароматными яблоками в сильных руках. А того, другого, которого было очень много в её жизни, память вычёркивала и стирала, тщательно вымарывая и заменяя эти воспоминания.

– За что, ну за что ты могла его полюбить?! – кричала она матери, рыдающей в углу комнаты, окровавленной и в синяках после очередных побоев. – Это же чудовище, монстр, его нельзя любить, он недочеловек!

– Не говори так про отца, мала ещё, чтобы судить.

– Мама, ну мамочка, давай уедем отсюда! Он же убьёт тебя рано или поздно!

– Он хороший человек. Это я виновата. Расстраиваю его всё время. Неправильно себя веду. Вот он и срывается.

– Мама, ну при чём тут ты?! Он убивает тебя и меня заодно. Давай уедем, умоляю тебя!

Мать не поддерживала эти разговоры. Замыкалась в себе. Лебезила перед отцом и отчаянно старалась вести себя «хорошо» – не нарушать его правила и покой, не перечить, предугадывать желания, чтобы не довести до очередного срыва. Но ситуация повторялась. Он опять был чем-то недоволен, орал, бил, потом, осознавая, что натворил, напивался и опять бил. Падал в забытие. Среди этого кошмара рос ребёнок – Айша, или Аишечка, как звала её мама. Она не спала ночами с детства, пряталась, как волчонок, под столом, когда начинался очередной кошмар, забивалась под кровать. Потом, став постарше, бросалась защищать мать, но от этого становилось только хуже. Отца бесило, что кто-то мешает ему «воспитывать жену». Доставалось обеим.

После клуба Герман отвёз её домой. Девушка жила у маминой знакомой. Помог выйти из машины. Галантно открыл дверь белой «Нивы», подал руку и проводил до лифта.

– Ну что, Айша, спасибо за вечер! Ловко ты меня из «клубы» весёлых девчат вытащила. – Герман вызвал ей лифт.

– Тебе спасибо! Мне даже неловко, что ты так на меня потратился. Клуб, икра, столько времени со мной ездил по всему городу. – Она смущённо смотрела на него снизу вверх, опасаясь, что он полезет целоваться, и весь флёр чудесного вечера исчезнет.

– Чай и кофе не предлагать, я поехал. Созвонимся! – Он дождался, когда лифт закроется, и не торопясь вышел из подъезда. «Забавная птичка-невеличка. Как с другой планеты, – отметил про себя. – И имя такое необычное – Айша, почти гейша», – усмехнулся он.

Первые месяцы их встречи скорее напоминали общение двух друзей, один из которых постарше и поопытнее в жизни, а второй только ума-разума набирается.

Герман появлялся неожиданно, в полной уверенности, что он всегда к месту и вовремя.

Айше нравилась их дружба, она даже не представляла, что это может перерасти во что-то большее. На её взгляд, они были слишком разные, что ли. Не думала она о нём как о своём мужчине. Дружба – да. Ей было интересно в его компании.

Он рассказывал, как провёл день, про новости от своих московских друзей. Иногда вскользь упоминал о своём бизнесе. Что-то они продавали и покупали с приятелем вдвоём. Иногда у него звонил телефон, он перезванивал по городскому и долго, обстоятельно что-то объяснял звонившему. Она спрашивала у него совета, рассказывала, что прочла, как дела у неё в институте. Такие вроде бы простые разговоры ни о чём. Сами не заметили, как сблизились. Или это только ей казалось, что они стали какими-то «своими» среди всех остальных «не своих»?

Беда всё-таки случилась. Отец в очередной раз избил мать до полусмерти, а сам вырубился в пьяном угаре. В тот день Айша пришла домой позднее обычного, задержалась у подружки – экзамены на носу, и она ходила к однокласснице готовиться. Было стыдно перед её семьёй. Айше казалось, что все вокруг знают, как они с матерью живут, и осуждают её за спиной. Но выхода не было – дома заниматься было нереально.

Айша открыла дверь своим ключом и удивилась гнетущей тишине. «Что-то неладно», – пронеслось в голове. Она быстро скинула обувь, повесила курточку и влетела на кухню.

Мать лежала на полу – лицо в крови, не лицо, а месиво, – неестественно раскинув ноги, словно в безумном танце.

Все стены были в красных пятнах; казалось, что у одного человека просто не может быть столько крови. На столе стояла пустая бутылка из-под водки, вторая валялась на полу, довершала картину сломанная табуретка с вырванными ножками.

– Мам, мама, мамочка, да очнись же ты! – Айша даже боялась до неё дотронуться, женщина выглядела словно безжизненная кукла со спутанными волосами, перепачканная красной краской. Девушка быстро взяла полотенце, намочила под краном, протёрла от крови распухшее лицо и заметила пузырящуюся кровь в уголке губ – дышит!

– Потерпи, потерпи немножко, я сейчас!

В соседней комнате, лицом в подушку спал тот, кто звался её отцом. Не обращая на него внимания, мысленно отметила, что сейчас он безвреден. И думая о том, что же сегодня такого случилось, что он так озлобился на мать, Айша стала звонить в скорую.

Через месяц мама стала приходить в себя.

– Айшечка, доченька, какая же ты у меня молодец, так тебе тяжело – и учёба, и отец дома, да ещё и я на твою голову. Ты бы пореже ко мне ходила.

Я справлюсь, кормят тут нормально, да я и не ем почти, болит у меня всё внутри... Что уж ты приходишь каждый день, жалко мне тебя.

– Мама, я знаю, как лучше. Ты лежи, не беспокойся. Экзамены я сдам, ты поправишься, и я тебя заберу отсюда.

До окончания школы оставалось ещё два месяца. Айша для себя всё решила. В тот день, когда маму забрала скорая, Айша вернулась из больницы и, пока отец был ещё обездвижен порцией водки, собрала свои и мамины нехитрые пожитки. Получилась всего-то одна спортивная сумка, с которой когда-то очень давно ходила на каток. В пакеты собрала учебники – их же в школу сдавать, мамины и свои туфли, сапоги – зима будет, а откуда они возьмут деньги на сапоги? Вынесла вещи на лестницу, вернулась в квартиру, из серванта взяла свадебную фотографию отца с матерью. Эта фотография была её воспоминанием о детстве. Тогда отец был ещё похож на того, с фото. Красивый, статный, с добрыми глазами и смешным жабо на рубашке, он нежно обнимал маму в простом, непохожем на свадебное белом платьишке. Развернулась и пошла к выходу. На пороге остановилась, вернулась в кухню. Взяла ручку и написала на тетрадном листе записку: «Это конец. Не ищи нас. Айша». Положила листок в центре стола, прижав солонкой, и вышла из квартиры.

Герману нравилась эта девочка. Он как-то незаметно привык к ней заезжать. С ней можно было просто поговорить, зайти тогда, когда хочется, а не когда нужно, посидеть и пообщаться без обязательств. Она всегда ему искренне радовалась – именно это и подкупало, наверное. Герман не особо задумывался, зачем она ему. Просто, когда путь лежал мимо, звонил, чтобы услышать в трубке: «Как здорово! Конечно, рада! Ура! Жду» – громко и с детской непосредственностью. Она распахивала дверь и вылетала ему навстречу, щебечущая, как утренняя весенняя птица, всегда в настроении, всегда с улыбкой и облаком этих потрясающих волос... А как она на него смотрела!

Ему нравились её глаза и то, что в них отражалось, – он сам.

Около года назад Герман вышел из очень тяжёлых отношений с женщиной, на которой чуть не женился. Они встречались почти пять лет. Все эти годы отношения были неровные, нервные, съедающие их обоих. Она то приближала его, то отдаляла, всячески обесценивая его место в своей жизни. Прервала их связь сама, сказав, что уезжает в другую страну и выходит замуж за иностранца, с которым познакомилась через интернет. Это было неожиданно, непонятно и унижительно. Удар по самолюбию. Он до сих пор отходил от всего этого и был совершенно не готов к чему-то новому, серьёзному, а тут – птичка такая, лёгкая и весенняя.

Айша жила в квартире маминой приятельницы. Хотя кем точно приходилась им с мамой тётя Тоня, как её называла Айша, она сказать толком не могла. Никакая она не тётя и не подруга, но, кроме неё, в Москве у Айши никого не было.

Когда та много лет назад забрала мать из той больницы с твёрдым намерением не возвращаться к отцу, встал вопрос, куда ехать и где жить. На мать полагаться было нельзя, она была совершенно раздавлена и физически, и морально. Всё время твердила только одно: «Даш, ну поедem домой. Пожалуйста. Он не сможет без нас, пропадет совсем». И ей пришлось в свои шестнадцать с небольшим принимать взрослое решение и брать ответственность на себя.

Они поехали в Воронежскую область, где неподалёку от города Лиски жила двоюродная сестра матери, с которой та не общалась почти двадцать лет. Только новогодние открытки посылала, и то не каждый год, да пару раз встретились на семейных похоронах. Сестра уехала из Казахстана сразу после школы – вышла замуж и за мужем уехала. Мать по молодости пару

раз ездила к ней. Вспоминала, как там тепло и зелено. Безветренно. Поля с арбузами и подсолнухами. Природа другая совсем.

Денег им одолжили Айшина одноклассница и её родители. И Айша с матерью уехали в дальнюю даль, в незнакомую жизнь.

Однако тётки на месте не оказалось. Их телеграмму с почты никто не забрал, и их никто не ждал. Айша с матерью шли по деревне, была ранняя весна. Школу Айша так и не закончила в том году, не успела у себя, уехала, а на новом месте сразу не смогла устроиться и осталась на второй год в выпускном классе. Деревня была небольшая, у всех заборы одинаковые, по краю деревни – поле. Снег уже сошёл, и вороны летали стаями, собирая проснувшихся червяков и жуков. Огороды и сады стояли неприглядными, непромытыми ещё весенними дождями.

Они подошли к дому. Залаяла собака. Дверь отворилась.

– Осторожнее ступайте. Мокро у нас ещё очень. Весна поздняя в этом году, тепло никак не наступит. – Из дома тётки вышла полная высокая женщина. – Тихо, Уголёк, сидеть! – командовала она псу. Собака была огромной, под стать женщине. Чёрного цвета с белыми подпалинами и удивительными синими глазами.

– Да, спасибо, мы тихонько идём, – прошептала почти про себя мать. – А где Людмила?

– Так она тут не живёт. Уже давно уехала в город. – Женщина приветливо открыла дверь. – Вы заходите, холодно стоять. Давайте я вам за чаем расскажу. Вижу, что вы с вещами и с дороги.

Это и была тётя Тоня, которая Айше совсем не тётя. Она снимала дом у маминой сестры. Та, кстати, так и не объявилась и на связь не выходила. А Тоня пригрела их.

Бывают такие люди – уютные. От них веет теплом, с ними комфортно общаться, кажется, что ты знал их всегда, просто потерял в жизни, а потом нашёл.

Ощущение родства на уровне инстинкта. Антонина Ивановна была женщиной крупной, с широкой костью и объёмными бёдрами, тёмные волосы собраны высоко и закручены в тугой узел почти на макушке, высокий белый лоб, лучистые тёмные глаза и крупные губы. Она шустро перемещалась по дому, одновременно собирая на стол, размещая их с матерью небольшой багаж, рассказывая про тётку Людмилу, дом, наливая ароматный чай, удивительно пахнущий какой-то незнакомой травой. От всей её фигуры, аккуратного домашнего платья с фартуком, бархатного голоса так веяло теплом, что Айшу буквально накрыло спокойствием. «Да, тут надёжно, можно остаться», – подумала она, уже прихлёбывая горячий чай с пирогом, поставленным на стол щедрой хозяйкой, захватившей их в плен своего обаяния.

Женщины подружились. Тоня помогла матери устроиться на работу в посёлке. Сходила с Айшей в школу и договорилась, чтобы её на следующий учебный год зачислили. Она же и отправила через год Айшу в Москву, дав ключи от своей квартиры и уговорив поступать в педагогический.

Мать долго болела. Больная ходила на работу, дома категорически отказывалась сидеть, говорила, что на работе ей легче. А когда Айша уехала в Москву, мама сбежала – по-другому это и назвать было нельзя – обратно домой, к отцу.

Всё время их спокойной, казалось бы, жизни без отца мать в душе не находила себе места. Думала о нём, страдала без него. Она тщательно скрывала это от Айши, но та пару раз застала её, одиноко сидящую на кухне ночью. Мама раскачивалась на табуретке с чашкой чая и разговаривала с ним вслух.

Вот ведь, где любовь... Только любовь ли это? Как можно любить того, кто тебя истязает?

Через несколько месяцев после возвращения он избил её до состояния, несовместимого с жизнью. Стояла ночь, рядом никого не было. Она умерла от потери крови. Обнаружив её утром, отец покончил с собой.

Девочка стала сиротой. Сестра не в счёт. Она её толком никогда и не видела, та даже на похороны родителей не приехала.

Айша осталась у Тони – не тётки, но самого близкого в тот момент человека. Именно Тоня поддержала её, приняв в свою жизнь, как родную дочь, о которой она всегда мечтала. И вот этим её мечтам суждено было сбыться таким неожиданным образом – Тоня обрела почти взрослую «племянницу», а осиротевшая девочка – единственного близкого человека. Она же помогла Айше с похоронами родителей.

– Взрослому человеку тяжело родителей хоронить, а тут – дитё ещё. Вместе поедим. – Тоня взяла из рук Айши телеграмму. – В такой ситуации слов нет. Просто невозможно ничего говорить, когда сердце разрывается. Знай и помни: ты не одна. У тебя есть я. – Тоня обняла свою Аишечку, прижав к себе хрупкую заплаканную и испуганную девочку.

– Ты справишься. Мы справимся.

И действительно, Айша ощущала Тонину поддержку не только на словах. Это была настоящая, деятельная помощь. Она и с похоронами помогла управиться, квартиру родительскую в порядок привести и сдать. Продать её Айша не могла, там ещё сестра была прописана, а они не общались. Решили пока сдавать. Пусть и небольшие совсем, но всё же деньги. Семейные фотографии, дорогие сердцу мелочи, кое-какие вещи убрали на антресоль над кухней, всё остальное перемыли, выкинули ненужное и через некоторое время нашли арендаторов.

Антонина Ивановна – «тётка Тоня» – жила на два дома. Она уже выкупила дом у Айшиной двоюродной тётки – там, в посёлке, у неё был свой бизнес-интерес. В Москву приезжала редко, так что Айша жила преимущественно одна в Тониной двухкомнатной квартире. Вначале она очень стеснялась, чувствовала себя обязанной платить за проживание.

– Айша, даже не думай! Будешь мне квартиру охранять и пыль стирать. Вдруг надумаю приехать – встретишь и блинов испечёшь. Видишь, какая от тебя польза! – смеялась Тоня в ответ на очередные Айшины извинения и обещания переехать в общежитие.

Так и прижилась.

* * *

Ей всегда хотелось замуж, чтобы иметь «настоящую» семью.

Вначале это было скорее из зависти к одноклассникам, за которыми в младшую школу приходили «настоящие» – добрые и улыбающиеся – отцы, брали за руку и уводили домой, в счастливую семью, где мама пекла пироги и накрывала стол, где все вместе садились есть, обсуждая, как прошёл день. Где были хлопотущие бабушки с дедушками, где не разрешали гулять без шапки, есть зимой мороженое и выхаживали, когда у тебя температура.

Она наблюдала за этим со стороны. Иногда попадала в гости к подружкам на час-другой, получала там вожделенный пирожок и тарелку нормального супа. Одноклассницы жаловались на своих родителей, чрезмерно их опекающих, а Айше так хотелось, чтобы кто-нибудь отругал её за отсутствие шапки зимой.

Когда подросла – отчаянно хотелось уйти из дома. Мечтала, что выйдет замуж, переедет, как сестра, и будет жить без этого кошмара. С кем угодно, но не с отцом. Но, в отличие от сестры, она очень любила мать и не могла её бросить.

Её отдушиной были книги. Читала запоем. Дома не получалось – выходила в подъезд. Сидела на подоконнике, подложив под себя захваченную из дома куртку, и читала. Благо рядом была библиотека, можно было брать что захочешь. Вот уж когда она давала волю своей фантазии. Улетала в своих мечтах, соединялась с героями, путешествовала во времени, грезила этими историями. Конечно, больше всего ей нравилось читать про любовь. Возвращаясь в свой реальный скандальный дом, отрешённо, как сквозь туман, смотрела на реальную жизнь, чтобы не сойти с ума.

Чем старше она становилась, тем отчётливее понимала, что просто замуж она не хочет. Ей необходимо найти «его» – своего человека.

В ней затаился огонёк любви, который она хранила и лелеяла, берегла, ещё до конца не понимая, какая же силища в этом пока маленьком огоньке, сколько нерастраченной любви в ней живёт.

* * *

С Германом они встречались почти три месяца, если так можно назвать то, что между ними происходило. Скорее приятельствовали. «Может ли быть дружба между женщиной и женщиной?» – рассуждала про себя Айша.

Герман и внешне, и своим поведением очень соответствовал Айшиным фантазиям о возможном муже. Он был в меру загадочным, элегантным, образованным и не таким, как все, – это, собственно, и было ключевым. Он не походил на других ухажёров, которые сразу лезли целоваться и быстро предлагали перейти к самой серьёзной части отношений. На удивление он вообще не интересовался ею как женщиной, а она не рассматривала его как возможного мужа. В момент знакомства, когда сама к нему подошла, – возможно, да, но за время их дружбы что-то изменилось. Их отношения со стороны выглядели странными.

– И что, он ни разу не лез к тебе? И вы ещё не спали? За три месяца? – устроила Айше допрос с пристрастием вернувшаяся в Москву тётя Тоня.

– Нет! Говорю же, мы просто дружим. Он приезжает, я его кормлю, мы сидим, по полночи болтаем ни о чём, потом он едет домой. Он всегда вежливый, бывает, что-то из продуктов привезёт. Ну, там, тортик или фрукты, вино – ничего серьёзного. Иногда, когда мимо едет, берёт меня с собой, и мы по его делам ездим, Москву мне показывает, он же здесь родился, а я ничего не знаю.

– Да, странно всё это, – вздохнула Тоня. – Может, у него со здоровьем что-то не то? С такой видной девкой встречаться – и ни-че-го.

– Да брось, тётя Тонь, какая уж я видная? Вон сколько вокруг него москвичек красивых! А я что? Так, только на поболтать. Кожа, кости и глаза! – Айша засмеялась.

– Ты присмотришься к нему, может быть, это ход такой, от тебя ждёт инициативы, чтобы ты сама захотела его.

– Ой, я даже не думаю об этом! У меня и опыта нет в таких делах. Ну, ты же знаешь.

Опыта у неё действительно не было. В её жизни был только один мимолётный роман, хотя и романом это назвать сложно. В восемнадцать лет Айша решила проститься с девственностью. Отметить этим событием столь важную дату. Все её подруги были уже не девочки, и она чувствовала себя какой-то «отсталой». Ей казалось, что если она сделает ЭТО, то вроде как-то повзрослеет. Айша тогда заканчивала первый курс, была московская весна с сумасшедшими вечерами, пронизанными ароматом цветущих яблонь и вишен, после учёбы половина их группы поехала гулять в Парк культуры. Айша ещё утром объявила, что у неё день рождения и ей в этот день хочется чего-то необычного! В пединституте с мальчишками всегда было

трудно, а на их факультете дошкольного образования вообще не водилось ни одного. Поехала сплошь девичья команда хохотушек. Весёлой стайкой влетели они в парк, ходили от аттракциона к аттракциону, а затем набрали мороженого и сидели на набережной, наблюдая за проплывающими прогулочными катерами с туристами.

Вечерело, стало скучно, решили переместиться на катер. Там и встретили компанию ребят из военного училища. Вот это было знакомство – нарочно не придумаешь! Кстати, две её сокурсницы впоследствии вышли замуж за парней, с которыми тогда познакомились. А она? Лишилась девственности в ту ночь, сознательно предварительно выпив вина. До этого момента Айша вообще не переносила спиртное, помня отца. А тут решила, чтобы расслабиться и добиться поставленной цели.

Утром было очень противно. Приехала домой и долго не могла отмыться. Голова мутная после выпитого накануне. Плохо вообще помнила, что было.

«Отметила, блин, день рождения. Ага, взрослая стала!» – ругала себя Айша.

Самое глупое решение в её жизни. Больше она со своим кавалером не виделась. А память осталась.

И ощущение липкой гадливости на всём теле осталось тоже. Девушка искренне старалась забыть ту ночь, но то и дело накрывало волной воспоминаний, ругала себя, что она теперь не чистая... А вдруг ОН ей не простит? Ну, тот, кто ей судьбой назначен. Вот дура! Вот тебе и опыт... Да назад не повернёшь.

После отрезвляющей беседы с Тоней Айша стала присматриваться к их с Германом отношениям. Взглянула на это со стороны. А ведь и правда, он рисуется перед ней, прикасается иногда невзначай, помощь свою предлагает, да и ездит с завидной регулярностью. При этом словно специально не переступает черту, на сближение не идёт.

Айша после учёбы подрабатывала на кафедре. С бумагами помогала, документы готовила, иногда и полы мыла в аудитории. Уставала. Однажды, заметив её утомлённость, Герман предложил сделать ей массаж.

– Какая-то ты сегодня совсем неживая, птичка.

Он приехал, как всегда, как снег на голову, привёз ананас и шампанское. У неё не было ужина – она и сама только пришла.

– Да я сегодня задержалась в институте. Нужно было помочь. Там мебель новую привезли. Пока распаковали, расставили, вымыть нужно было всё... – Айша лихорадочно соображала, что бы такого быстро приготовить.

За время своей самостоятельной жизни она немного освоилась на кухне. Пробовала готовить, а иногда даже что-нибудь печь. Старалась в основном к редким приездам Тони – хотела порадовать её, встретить домашним теплом и чем-то вкусным, исходя из своего скудного бюджета. Чувствовала себя виноватой, что живёт на её площади и ничего не платит, кроме квартплаты. Так постепенно и научилась.

– Ты давай не суетись. Садись, я тебе сделаю массаж воротниковой зоны. У меня врождённый талант. – Герман засучил рукава, моя руки в кухонной раковине. – Мне рассказывали. – Он прищурил глаза и лукаво посмотрел на неё.

Массаж действительно был хороший, тем более что ей никогда и никто его не делал. Тёплые, сильные и одновременно нежные руки дотрагивались до её плеч, меняя усилие, то проминая шею, то спускаясь с плеч ниже по рукам. Сам Герман при этом безостановочно что-то рассказывал своим низким, бархатным, чарующим голосом.

– погоди, а шампанское-то мы забыли! – Он остановился и стал откупоривать бутылку. – Режь ананас.

– Ой, а я не умею. Не ела его никогда свежим, только из банки.

– Эх, ты! Ну ничего, сейчас мы это исправим! – Он взял нож и заправски очистил экзотический фрукт. Невероятный аромат наполнил маленькую и уютную Тонину кухню.

– Вот! Готово! Не забудь загадать желание! – Герман стал разливать шампанское. – Шампанское с ананасами пьют дегенераты или аристократы, причислим себя ко вторым!

– Какое желание? Зачем?

– Когда делаешь что-то в первый раз, нужно загадать желание. – Он протянул ей бокал. – Ну что, за нас?

– За нас! – Айша пила шампанское и смотрела снизу вверх на Германа. Какой он всё-таки красавец, как в книгах, которые она читала. Высокий, наверное, под два метра, – Айша запрокидывала голову, когда хотела посмотреть ему в глаза, – статный, с красивым профилем и карими глазами необычного глубокого оттенка с золотистыми искорками вкраплений. Тёмные волнистые волосы всегда ухожены и зачёсаны назад, стрижка не короткая, но аккуратная. А какие у него были руки! Тонкие длинные пальцы, узкое, красивое мужское запястье. В общем, с её точки зрения, он был изысканно элегантен целиком и полностью.

Массаж продолжили. Она разомлела от его рук и голоса, весёлых пузырьков со сладким ананасом, закрыла глаза и унеслась в мечтах.

– Ну всё! Сеанс окончен.

Айша открыла глаза. Больше всего ей хотелось, чтобы этот вечер не заканчивался. Герман сел за стол, налил им ещё по бокалу. Она стояла рядом, положила руку ему на плечо.

– Давай это будет мой тост? – спросила она.

– Конечно, птичка Аша, говори, даже интересно.

– Хочу выпить за тебя! За тебя в моей жизни! Я очень тебе благодарна за наши встречи и вечера, за твой голос, твою мудрость, наши разговоры. За тебя! – Она подняла бокал, тихонько дотронулась до бокала Германа и выпила залпом. Голова закружилась, ноги подкосились; она и не заметила, как он её подхватил и усадил к себе на колени.

Они слились в поцелуе, и было уже непонятно, кто кого начал целовать первым.

Всё было совсем не так, как в тот её глупый первый раз. Теперь она буквально парила, взлетала и снова падала, они сливались вместе, оказываясь единым восхитительным существом с её глазами и его руками – смешение ароматов тела, влажность губ, её разлетающиеся волосы, каштановым облаком накрывавшие обоих... На удивление она не чувствовала стеснения или стыда. Доверилась ему сразу и полностью, как будто всегда знала его и просто ждала возвращения, опустошённая от этой разлуки. Казалось, что мир вокруг остановился и ждёт развязки, апофеоза этого великолепного действия – слияния двоих в одно неделимое целое.

Та ночь вывела их отношения на совсем другой уровень – во всяком случае, так казалось Айше.

Она с удивлением призналась самой себе, что не просто дружит с ним, а действительно любит его. Вот оно, оказывается, то чувство, которого она ждала и о котором мечтала. Вот он, тот самый мужчина, с которым ей суждено быть вместе. При этом она искренне считала, что и для него стало всё по-другому. Разве могло быть иначе, ведь они теперь не просто друзья, они теперь вместе. Она уже смело заявляла подругам, что у неё есть мужчина, планировала свой день с расчётом на то, что вечером они встретятся, мечтала, как будут жить вместе. Ей казалось само собой разумеющимся, что он скоро сделает ей предложение. Может, это просто женский мозг так устроен?

На самом деле Герман «пропал с радаров» после той ночи. На звонки не отвечал и к Айше не заезжал уже неделю. Параллельно со своими домыслами и фантазиями влюблённой дурочки она сходила с ума оттого, что его нет. Может, зря она так? Может быть, не нужно было этой близости? Что произошло? Мысли путались. Она то оправдывала его, то винила себя, то убеждала, что вообще ничего не было и она это всё придумала, да и зачем ему, коренному москвичу, непонятно откуда прикатившая девушка без жилья, работы и связей. Тем временем

живущий внутри неё огонёк любви стал разгораться, становиться больше, шире, выплёскиваясь наружу. Она хотела любить, дарить свою любовь, щедро делаясь, заботясь, создавая и передавая её, бережно и сполна.

Любимый, с добрым утром!
Ты ещё сопишь
И, слава богу, отдыхаешь,
А я уже лежу и о тебе мечтаю...
Я думаю о нас, и солнце проникает
В окно и каждым лучиком ласкает мир.
Ты далеко, не протянуть руки
И не обнять твоё лицо родное.
Но ощущаю запах твой, твои изгибы
И рук таких любимых вижу путь.
Сейчас меня б они читали,
И рисовали нас, прекрасных,
Своих до боли слов и счастья текстов...
Тут слёзы, но они совсем другие,
А счастья крик – он не болит,
Он мчит в небесные чертоги —
Влюблённых душ обитель.
И превратится в дождь,
Обрушится на нас.
И зонт не нужен нам!
Купаемся в истоме.
Проснёшься ты – но нет меня...
Я – голос в телефоне...
Так не закончу я стихи!
Лежу и плачу...
Любимый, позвони скорей,
Целуй, целуй свою удачу!

* * *

Прошло пять лет. Их отношения развивались в том же темпе. Он то появлялся, буквально врываясь в её жизнь, то исчезал. Приближал её к себе, называл своей, обсуждал планы на будущее, потом опять отдалял и даже игнорировал. Жил своей жизнью.

Она же любила его всей душой и сердцем, любовь наполняла её жизнь смыслом.

Всё, что она делала, было для него.

Хотела его радовать и удивлять, кормить и стирать для него, заботиться, баловать, стать лучшей версией себя – такой, какая нужна ему.

Дома Айша всегда ходила нарядной и с макияжем. А вдруг он сегодня заедет, а я плохо выгляжу? Ехала с работы – заходила в магазин, покупала то, что он любит. А вдруг приедет – угощу вкусным.

Когда он не появлялся несколько дней, не выдерживала и звонила сама, будто невзначай.

– Гера, привет! Как у тебя дела? У меня сегодня свободный вечер, давай я заеду, приготовлю что-нибудь, и фильм посмотрим.

– Птичка, приветик! Давно тебя не слышал, закрутился что-то. Ко мне друг должен зайти. Переговоры у нас. – В этот момент у неё всё замирало внутри – а вдруг она ему уже не нужна?

– Хотя нет, давай я с ним на другой день договорюсь. Конечно, приезжай! – говорил Герман своим бархатным голосом, от которого у неё каждый раз холодком сжималось что-то внутри. И она неслась в магазин, приезжала, готовила, целовала, обнимала и опять плакала. Плакала?

Да, всё чаще и чаще в их отношениях была её горечь, а в блокноте появлялись новые стихи, рождающиеся из водопада слёз.

И губы пылали,
И руки порхали,
Когда ты на мне рисовал наш роман.
И жарко кричала, и вдруг умирала,
Когда ты меня целовал.
А руки твои, словно две сильных птицы,
Подняли меня на крыло,
Я рухнула с неба,
И снова взлетела...
Я так не летала давно.
И буря эмоций, и море сокровищ
Во мне – для тебя одного!

* * *

«Он так шутит», – уговаривала себя Айша. Шутки были обычно связаны с её внешностью, неуклюжестью или неумением что-то сделать так, как он считал правильным и нужным.

– Какая у тебя маленькая грудь. Может, тебе её увеличить? – Они лежали в постели после очередного волшебного воссоединения. Айша разомлела и прикрыла глаза. Солнечные лучи играли с волнами её волос; нежная, белая, почти прозрачная кожа, казалось, светилась изнутри. Пальцы Германа путешествовали по холмам и изгибам её расслабленного тела. – Нет, ну правда, если увеличить, то будет ещё лучше. Или, может, ты наконец-то поправишься?

Она даже не знала, что ответить. Было просто обидно, и всё. Ей казалось, что у неё прекрасная, упругая, небольшая, но очень симпатичная грудь. Да, всё небольшое, но вроде всё при ней и пропорционально. Она уже научилась выбирать одежду на свой маленький рост. Нашла магазинчик, где привозили одежду из Италии именно для таких малышек, как она. Владелица магазина комплекцией была очень похожа на Айшу, только старше её лет на десять. Она с удовольствием подбирала для симпатичной покупательницы новые наряды и образы, всегда звонила ей и звала на примерку после поступления новых коллекций и в период сезонных скидок. Но после таких слов слёзы предательски сами заполняли глаза. Было жалко себя и обидно. Ведь это же нельзя исправить. Зачем так говорить?

Надо заметить, что подобные слова-уколы звучали от него в её адрес всё чаще и чаще. Самое неприятное, что даже при других людях он мог сказать ей что-то подобное о её внешности или посмеяться над каким-то промахом. Иногда он делал вид, что обиделся, и «ставил её на паузу». Да, именно так это называлось. Порой молчал по несколько дней. Не отвечал на звонки, не приезжал, а если она пробовала мириться, игнорировал ещё больше.

В компании мог сказать: «Слышите какой-то голос?» – если Айша начинала что-то рассказывать или вступать в диалог с окружающими, когда они с Германом были в ссоре.

Несколько раз она в слезах убегала из гостей, куда они приходили вместе, именно от его отношения и стыда за себя. Шла по улице и рыдала в голос.

Айша страдала от неопределённости своего статуса. Вроде она в отношениях и у неё есть постоянный мужчина, практически муж, они любят друг друга. Вот тут – стоп.

Они любят или она любит? Этот вопрос она себе не осмеливалась задавать.

Иногда обижалась. Несколько раз заявляла ему, что всё кончено, что она больше так не может и не хочет. В такие моменты Герман усиливал своё влияние и обаяние, буквально околдовал.

Встречались они то у неё, то у него. Она так и жила у Тони, Герман жил вместе с мамой. Алевтина Васильевна была женщиной старой закалки, ей категорически не нравились «эти профурсетки», которых приводил сын. Особенно эта новая, которая не просто в гости заходила, а уже несколько лет атаковала её сына.

– Она ещё и приезжая, как выяснилось, и зовут её Айша. Ужас какой-то! Ходит и ходит. Видит же, что мужчина на ней не женится никогда, а всё ходит и ходит, – делилась она своим возмущением с подругами, разговаривая по телефону.

Жили они на Семёновской, в старом сталинском доме. Когда-то это была коммуналка, но хваткая Алевтина Васильевна сумела в своё время расселить соседей и занять квартиру полностью, сделала ремонт, превратив четырёхкомнатную коммуналку в просторную трёшку. Сына она воспитывала одна, с его отцом развелась, когда Герману было три года. Бывший муж уехал на Камчатку, и, кроме редко присылаемых алиментов и открыток с Новым годом, вестей от него не было никаких, как, впрочем, не было и никакого влияния на мальчика.

Всю жизнь Алевтина проработала в сфере искусства, вращалась, как она говорила, в богемной среде, по всей квартире висели картины известных ей художников, может быть, даже персонажей её случайных и бурных романов. По квартире она ходила исключительно в вишнёвом бархатном халате, подпоясанном витым шнуром со свисающими кистями, и в туфлях на небольшом каблучке. Целыми днями она почти не выходила из своей комнаты, курила, пила кофе из старого кофейника с задорно изогнутым носиком, наливая его в невесомую тонкостенную чашку из императорского фарфора, беседовала с приятельницами по телефону и смотрела телевизор. Она была в курсе всех последних сплетен своего некогда богемного мира.

Однажды, после очередной довольно продолжительной ссоры, когда Айша уже решила, что она наконец освободилась от этих буквально убивающих её отношений, она приехала к нему забрать свои вещи. В результате опять не устояла, сдалась без боя. Нет, он не уговаривал её, не извинялся, он просто вёл себя так, будто ничего не произошло, будто он ей безумно рад, соскучился, будто и не заметил пролетевших дней разлуки. От этого реальность Айши раздваивалась.

Есть Айша со своими мыслями, и есть Герман – такой настоящий и живущий сегодняшним днём.

У него всё легко и просто, в его жизни она была и есть, а всё остальное – просто её нервы. Мирились они в постели. Нервный накал в ней достигал своего апогея и выплёскивался в этом безумстве слияния, после чего тревога её отпускала, становилось хорошо и уютно. Она была буквально в зависимости от Германа и секса с ним.

– Что ты в нём нашла? – говорила ей Тоня, вернувшись в Москву и заставшая Айшу в момент очередной ссоры с Германом. – Ты же всё время плачешь. Это ненормальные какие-то отношения! – возмущалась она, заваривая восхитительный чай и доставая пироги, привезённые с собой из Воронежа.

– Я не могу без него. – Айша села за стол, взяла в руки свою любимую кружку с цыплёнком, мамину, привезённую ещё из дома, утёрла слёзы и стала уплетать пирог с капустой.

– Вкусно?

– Ещё бы! Кстати, Герман считает, что я слишком худая, хотя мне все делают комплименты на работе. Вот наемся твоих пирогов и стану то что нужно для него. – Она улыбнулась и потянулась за вторым куском.

– Не станешь. Ты и так прекрасная. Если он этого не видит, то либо просто не любит тебя, либо специально вселяет в тебя комплексы, чтобы ты никуда не делась. Он тебя вообще хвалит?

– Редко. Хотя я так стараюсь. Я и зарабатываю всё сама, ничего у него не прошу. Готовлю то, что он любит, в доме прибираюсь, с мамой его не конфликтую, хотя она такое мне высказывает, что повторить страшно. Фирму свою развиваю, конкурсы выигрываю. Но он редко хвалит.

– Вот-вот. Не видеть, какая ты замечательная, просто невозможно. Значит, либо чёрствый человек, либо специально не хвалит, боится, вдруг ты поймёшь, какое ты сокровище, и зазнаешься. – Тоня засмеялась, подошла, обняла сидящую на табуретке Айшу, прислонив её каштановую головку к своей груди. – Девочка моя хорошая! Переживаю за тебя. Стукнула бы этого Германа, заразу такую!

Айша приезжала к нему, оставалась на ночь, приготовив ужин и сама сходя за продуктами – в доме было шаром покати, и, кроме бульона с яйцом и зеленью – фирменного супа Алевтины Васильевны, ничего не было.

Герман же вообще не интересовался проблемами быта и обеспечения жизни. Всё вокруг него функционировало само.

Холодильник кем-то наполнялся, вещи стирались, в доме появлялись кофе и спиртное с сигаретами. Если чего-то не было, он звонил либо друзьям, либо подругам. Те с радостью его поддерживали. Приходили, приносили, готовили. Причём делали они это легко и непринуждённо. Надо сказать, что и он, в свою очередь, всегда откликался на просьбы друзей. Каким-то, только ему ведомым, образом узнавал, что у них что-то не так, мог неожиданно сорваться с места, изменить свои планы и мчаться куда-нибудь в другой город, чтобы выручить какого-то Лёшку или Петьку, попавшего там в беду. За это качество все его любили, уважали и поддерживали, откликались в ответ на любые его, казалось бы, безумные и странные просьбы.

– Аллочка, как дела у тебя, моя дорогая? Прекрасно? Супер! А у меня что-то сигареты закончились. Может, забежишь, обсудим новости и перекурим вместе.

Буквально через десять минут приходили Аллочка, Катенька и так далее. Дом наполнялся необходимым. При этом Герман не был бабником. Вот в чём Айша была уверена, так это в том, что спит он только с ней, только её считая своей женщиной. Со всеми остальными Герман дружил.

Это устраивало всех, кроме Айши и Алевтины Васильевны. Первая хотела замуж, а вторая, напротив, не хотела делить сына с кем бы то ни было ещё. По этой причине из всех «шаставших» по их трёшке на окраине Москвы она невзлюбила только Айшу – остальные, на её взгляд, опасности для её материнского счастья не представляли.

Мало того что Алевтина с ней не разговаривала, не замечала того, что Айша готовит, отделила себе полку в холодильнике и готовила одновременно с ней, она ещё и жаловалась на неё сыну, говорила в спину нецензурные гадости, будучи при этом интеллигенткой в пятом поколении, – в общем, пыталась выжить Айшу из жизни своего сына всеми силами.

– Здравствуйте, Алевтина Васильевна, я к Герману, разрешите, я пройду. – Айша стояла в прихожей с сумками из магазина. У неё уже были свои ключи от квартиры; воспользовавшись ими, она и вошла – собиралась приготовить ужин и прибраться комнату Германа.

– Опять припёрлась, шалава! Ишь, зуд у неё во влагалище. Шастает по квартирам! Порядочным людям покоя не даёт. – Алевтина Васильевна стояла на пороге своей комнаты с сигаретой в зубах, в своём вечном халате и с творческим беспорядком на голове.

В свои почти восемьдесят – она родила Германа поздно и гордилась тем, что пожила и для себя, – Алевтина Васильевна постоянно эффектно курила, пила литры кофе и вела круглосуточные телефонные беседы. Сын боготворил мать, слова о ней плохого говорить никому не разрешал. Когда Айша пару раз робко пожаловалась, передав слова его матери о себе, Герман изумился и сказал, чтобы Айша не придумывала – мама такого сказать не могла.

За те пять лет, что прошли с момента их знакомства, Айша окончила институт. О распределении тогда уже речи не шло. Пришли иные времена. Сам устраивайся, как хочешь, да и учителя в начале 2000-х получали копейки. Она продолжала подрабатывать на кафедре в институте, потом устроилась нянечкой в частный детский сад, которые тогда повсеместно открывались в Москве. Потом стала работать там же воспитателем.

Кадров не хватало, и молодую Айшу, уже имеющую годовой опыт работы в этом садике, владелица поставила старшим воспитателем, а позже, открыв ещё два филиала садика, сделала Айшу заведующей. Проработав так три года, Айша с подругой решили открыть свой собственный садик с функцией центра дошкольного развития. Нашли инвестора – большая компания по производству и продаже бытовой техники решила открыть садик для детей сотрудников, чтобы тот располагался рядом с офисом компании. Айша узнала об этом случайно, но отреагировала быстро. Договорилась о встрече с руководителем. Создала бизнес-план, описав преимущества предложенной формы воспитания и обучения. Словом, так всё как-то и сложилось.

Долго искали помещение, сами его ремонтировали, закупили мебель, оборудование и в начале зимы приняли первые три группы детишек.

– А ты у меня бизнесвумен! – Герман заехал за ней на работу и увидел, как Айша общается с родителями и сотрудниками в конце рабочего дня. Он мало интересовался, на что она живёт, чем занимается на работе. Знал, что работает с детьми, и этого знания ему было достаточно.

– Да ладно тебе, какая уж из меня бизнесвумен. – Айша улыбнулась. Ей было приятно, что он всё-таки заехал.

Нельзя было сказать, что Герман вовсе не интересовался тем, как и чем она живёт. Если она начинала рассказывать, то он слушал. Просила о помощи – помогал.

Правда, чаще помогал не сам, а находил того, кто поможет.

Сам по себе частный бизнес в России, а в Москве тем более, в начале-середине двухтысячных – это был ещё тот экстрим. Со стороны всё выглядело гладким: работаешь хорошо, людям платишь, налоги платишь – и в шоколаде. На самом деле всё обстояло иначе. Когда ты работаешь хорошо, ежедневно находятся те, кто хочет пристроиться к твоему бизнесу и заработать на тебе, ничего не давая взамен. Коррупция чиновников. Каких нервов стоило Айше и её подруге Наташе, с которой они вместе этот садик организовали, получить элементарные разрешения от санэпидемстанции, пожарных, медиков и так далее. Нигде не обходилось без взяток. То есть просто так пройти проверку было невозможно, «дань» входила в обязательный платёж. И это повторялось ежемесячно.

Потом нарисовались ребята – «юристы» из спортивного зала, которые объяснили девушкам, что будут их «крышей», поэтому вынь и положи им ежемесячную плату. Вот тогда-то она

не выдержала и обратилась к Герману. Он помог ей. Теперь её «крышевал» его близкий приятель.

«Всё под контролем. Без „крыши“ нельзя, так что лучше уж своим будешь платить», – инструктировал её Герман перед встречей с новыми «юристами». Родители, которые приводили малышей в садик Айши и Наташи, были обеспеченными людьми, они работали в серьёзной компании и были готовы платить деньги за воспитание и развитие своих малышей в отсутствие родителей. Нужно было обеспечивать безопасность детей, хорошее питание, содержание и воспитание. Всё это было непросто, особенно когда тебе всего двадцать пять лет и ты не местная. Но девочки справлялись и уже подумывали снять помещение побольше, чтобы открыть три новые группы и кружки для развития малышей по системе Монтессори.

Отношения с Германом абсолютно не соответствовали мечтам Айши о семье. Время шло, а ничего у них не менялось. Она тешила себя тщетными надеждами, что он сделает ей предложение. Несколько раз сама начинала разговор на эту тему.

– Гера, а ты меня любишь? – Айша лежала, вытянувшись вдоль бедра Германа, после их чудесной близости, именно в эти моменты она как никогда ощущала, что они созданы друг для друга, – столько в нём было заботы о ней, нежности и силы, деликатности и желания сделать приятное ей. При этом в момент апогея их любви просыпалось в нём что-то животное, но не страшное, как в отце в минуты ярости, а какое-то первобытное, завораживающее и мужское... Она каждый раз поражалась, что именно с ней он такой, только с ней.

– Конечно, люблю. – Он притянул её и положил к себе на живот. – Что ты спрашиваешь, ты же сама знаешь.

– Мне важно, чтобы ты сказал, а ты опять отшучиваешься. – Она легла щекой к нему на грудь, гладила рукой чуть пробившуюся щетину, почти мурлыкая от удовольствия и радости быть с ним.

– Птичка, ну опять ты начинаешь. Я же тебе не раз уже говорил, что ты – моя, мы вместе. Что ты ещё хочешь?

– Я семью хочу и ребёнка. – Айша слезла с его живота, села на край постели и начала натягивать на себя футболку. Она уже знала, что сейчас он переведёт разговор на другое и больше ничего не ответит. Встала, вздохнула и пошла готовить завтрак, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Алевтину Васильевну – сегодня они опять встретились у него.

Так и жили уже пять лет гостевым браком – надо же, название какое придумали – на два дома. Ничейные какие-то оба.

У Айши была бабушка. Она жила километрах в пяти от их городка, в деревенском доме. Бабушка умерла, когда девочке было семь лет, поэтому она помнила не всё, но отдельные тёплые моменты были связаны именно с бабушкой и её домом.

Дом был совсем небольшой. В её представлении он был пряничным домиком из сказок. Может быть, это просто память со временем дорисовала и приукрасила. Бревенчатый дом с синей крышей и белыми резными наличниками на окнах. В палисаднике возле дома всегда было много ярких цветов. Утром бабуля первым делом выходила во двор, кормила кур и поливала свой палисадник.

Ладненькая, опрятная, в белом фартуке, она возвращалась в дом и пекла для заспанной внучки шельпеки – лепёшки, обжаренные в масле, похожие на чебуреки без начинки. Бабуля делала их несладкими, с хрустящей корочкой и подавала со сметаной и вишнёвым вареньем. Потом они вместе шли за козьим молоком на другой конец деревни. Там жила большая семья – отец, мать, десять детей и огромное хозяйство. У них всегда вкусно пахло молоком и свежеспечённым хлебом, все трудились, у каждого было своё дело, даже у

самых маленьких. Мать семейства была весёлая и очень шустрая. Она всегда встречала улыбкой Айшу с бабушкой, усаживала за стол, наливала свежего молока и угощала тёплыми баурсаками – маленькими хрустящими пончиками. Бабушка присаживалась, обменивалась с хозяйкой новостями, затем они брали бидон с тёплым молоком и шли домой.

Айша крепко держала бабушку за руку, гордо вышагивая с ней по деревне, не баловалась и вела себя хорошо, чтобы все видели, какая у бабушки умница-внучка из города приехала. Это была мать отца Айши. Она прекрасно знала, что творил её сын, от этого глаза её были всегда грустными, и умерла рано тоже от этого – не смогла пережить такой беды и сделать ничего не могла, вот только внучку баловала, чтобы как-то сгладить вину сына.

– Бабушка, а почему у одних дружная семья и много детей, а других всё не так?

– Это, внучка, как Бог кому даёт. От человека зависит, как он испытания проходит. Всем нам Господь по силам испытания даёт и людей к нам приводит по вере нашей.

– А у меня как будет? – Айша не понимала, о чём говорит бабушка, но чувствовала, что та её очень любит и жалеет.

– У тебя, Аишечка, деточка моя, всё будет лучше всех, ты уже все свои испытания прошла. – Бабушка прижала её к себе, обняла и украдкой смахнула слёзы. Айша видела, что бабушка плачет, но не понимала отчего.

– Я очень люблю тебя, моя бабулечка! – В этот момент девочка почувствовала, как мир вокруг неё наполнился звенящими, еле слышными голосами, всё вокруг словно озарилось, и в её сердце затеплился маленький огонёк, от которого стало так тепло, что возникло отчётливое ощущение счастья, которым хочется делиться. По её щекам катились слёзы. Она ещё крепче прижалась к бабушке. – Очень люблю, – прошептала она ещё раз.

Айша – человек-план. Привыкла рассчитывать только на себя. Никогда и ни у кого ничего не просила. К Герману обращалась в исключительных случаях. Не чувствовала, что рядом с ней именно то мужское плечо, которое было в больших семьях, в книгах и в её воображении. Ей, наоборот, хотелось всё время заботиться о нём, поддерживать и вести за собой. С детства она спасала мать, потом себя, и теперь ей тоже было необходимо кого-то спасать. Может, она и работу себе такую выбрала – помогать детям и их родителям – оттого, что это тоже своеобразное спасение.

На самом деле Герман в спасении не нуждался. Он был самодостаточен, ему было комфортно жить с матерью, встречаться с Айшей, отвечать только за себя. Он не стремился что-то менять и обременять себя семьёй, детьми и обязательствами. Его как раз полностью устраивала их с Айшей модель отношений.

– Давай мы с тобой снимем квартиру.

– Зачем, птичка? У меня хорошая квартира, и тебе есть где жить. Наоборот, здорово, что мы то тут, то там, успеваем соскучиться.

– Гера, я серьёзно, а ты опять шутишь.

Так было всякий раз, когда она пыталась завести серьёзный, на её взгляд, разговор. Каждый раз готовилась, искала аргументы, продумывала, как ему объяснить и его убедить. А он просто не хотел говорить с ней на эту тему.

Так они и жили. Она считала, что почти замужем, а он – что свободен.

Герман сам удивлялся длительности своих отношений с Айшей. Маленькая, хрупкая, буквально невесомая, а с таким характером. Как она его к себе привязала? Когда познакомился

с ней у Миши в мастерской, он даже предположить не мог, что это так надолго. Обычно Герман сам с женщинами не сходил. Всегда специально дистанцировался. Хотел, чтобы «побежали» за ним. Только тогда это будет искренне. Если ты действительно нужен женщине не как кошелек, а как человек, она будет тебя добиваться. Это ему ещё как-то давно, в юности, объяснил свою теорию друг отца. Дядя Миша, по сути, был единственным мужчиной, который оказывал непосредственное влияние на воспитание Германа. Когда мать с отцом развелись, он иногда к ним заходил, поддерживал – что-то подремонтирует, продукты достанет, когда тяжело было, с Германом то на рыбалку съездит, то на дачу к себе возьмёт. Он и к матери клинья подбивал, предлагал ей замуж, но она была категорически против повторного брака, так что не сложилось. Теперь дядя Миша приезжал редко, был совсем пожилым. Герман иногда навещал его сам.

По неопытности Герман в начале своих отношений с женщинами не применял метод дяди Миши. Старался добиться расположения к себе всеми способами. Ухаживал красиво, по мере своих возможностей, конечно. Рестораны, прогулки, поездки на отдых, дорогие подарки. Всё было в никуда. Рано или поздно отношения заканчивались, спасибо никто не говорил. Постепенно он сам стал отдаляться и соблюдать холодный нейтралитет в отношениях. И это, оказывается, цепляло.

Он перестал дарить что-то дорогое, стал говорить меньше комплиментов – только хуже от них, замкнулся в чувствах и решил, что лучше позволять любить себя и не влюбляться самому. Тем более что последний его опыт до Айши был очень тяжёлым и болезненным. После этого Герман вообще не хотел больше ничего серьёзного. А тут такая птичка-невеличка – и уже пять лет встречаются. Она же моложе его почти на 10 лет. Ей замуж нужно и детей нужно. А это не его история. Мать не хочется одну оставлять, да и какой из него муж? Несколько раз он пытался с ней порвать. Специально был холодным, пропадал, не звонил, не приезжал.

«Без меня ей точно будет лучше. Пострадает и найдёт кого-нибудь», – рассуждал Герман, в очередной раз проезжая мимо её дома и сдерживая порыв позвонить. Проходило несколько дней, и он ловил себя на мысли, что уже скучает, что ему её не хватает. Отвечал на её звонок с радостью, потом вспоминал, что решил быть отстранённым и буквально обрывал её полет какой-нибудь грубостью, сетуя на самого себя за свою слабость. Потом она всё-таки приезжала, и словно солнце входило в его дом. Мир вокруг становился другим. Её улыбка, смех и даже слёзы, которые он терпеть не мог, – напоминание о том, как он жесток с ней, – озаряли мир Германа.

Недавно у Германа произошёл разговор с матерью.

– Герман, я не понимаю, это долго будет ещё продолжаться? Не задержалась ли она тут? – Алевтина Васильевна вошла в комнату сына, как обычно, без стука. А что стучать? В собственной квартире можно ходить где и когда хочешь. Это же своя квартира. У себя дома, она считала, где хочет, там и ходит.

– Мам, ты о чём? – Герман прекрасно понял, о чём и о ком она, но на конфликт идти не хотел.

– Сын, ты всё понял. Не юли. Айша эта твоя долго ещё будет у нас столоваться? Зачем она тебе? Ты же видишь, она в тебя мёртвой хваткой вцепилась. Или ты жениться собираешься и мать бросить старую и больную? – В этот момент «больная и старая» мать закурила очередную сигарету, театрально присела в кресло, закинув ногу на ногу.

– Мама, я уже взрослый мужик, мне тридцать пять лет, сам разберусь. – Герман всеми силами старался не развить конфликт и переключить внимание матери. – Давай я тебе кофе сварю?

Хотел ли он жениться? Однозначно нет.

Ему не хотелось менять свою жизнь, в которой всё было привычно, по-холостяцки просто и незатейливо. Сам себе хозяин, ни за кого, кроме матери, не отвечаешь, когда хочешь – работаешь, а бизнес у него помаленьку шёл, доход имелся, квартира мамина – тоже удобно, думать о жилье не нужно. Дети? Зачем ему дети? И только Айша выбивалась из этой понятной и удобной схемы. Он её хотел, но не желал ответственности за неё и возможных детей, а она не хотела так жить. Айша упорная. Может всё изменить. Он это знал.

На этот Новый год он сделал ей королевский подарок. Айше вообще мало что дарили в жизни. Она радовалась, как ребёнок, даже малейшему вниманию, шоколадке или букету полевых цветов, просто некому было её баловать подарками. Про отца с матерью и говорить нечего – им было не до подарков, сестра отсутствовала в её жизни, подруги были, но какие подарки от подруг? Так, маленькие знаки внимания на день рождения.

В тот день, накануне Нового года, он приехал к ней, как обычно, без предупреждения. Было уже поздно, почти двенадцать ночи. Она собиралась ложиться спать. Вымыла голову, почти досушила волосы – это не быстрый процесс с такой гривой, – надела пижаму и сидела с книгой, ждала, пока волосы высохнут. Раздался звонок в дверь. Она отложила книгу и поспешила открывать. Это же Герман, кто же ещё мог в такой поздний час!

– Птичка, собирайся. Накинь что-то тёплое. На улицу идём! – Он улыбался, в карих глазах играли хитрые огоньки, весь его вид напоминал волшебника, собирающегося сотворить чудо.

Айша накинула пуховик прямо на пижаму, повязала пуховый платок – его подарила ей Тоня, хоть и не по моде совсем, но такой уютный, напоминал бабулю и её деревню... Натянула зимние сапожки на босые ноги.

– Я готова! Куда идём?

Он уже стоял на лестничной площадке, вызывая лифт. Боже, как медленно поднимается эта адская машина! Лифт в подъезде у Тони был старенький, неторопливый и не для ленивых. Большая металлическая дверь, покрашенная в серый цвет, причём, судя по сколам краски, это, наверное, был уже двадцатый слой за время его эксплуатации, открывалась вручную. Требовалось опустить вниз тугую ручку, дождавшись, когда кабина лифта остановится на этаже. Потом нужно было распахнуть две двери соломенного цвета с маленькими окошками и шагнуть на «плавающий» под ногами пол. Первое время Айша никак не могла привыкнуть, боялась – вдруг шагнёшь, и пол под тобой провалится? А ещё всегда было страшно, что лифт не захочет останавливаться на их последнем, девятом, этаже и поедет дальше, набирая скорость и превращаясь в ракету. Но всё прошло нормально. Лифт приехал, Герман вошёл первым и втянул её за руку за собой.

– Ну что ты такая трусишка? Столько лет тут живёшь и всё боишься лифта. Как ты за рулём будешь ездить?

– Что ты! Какой руль? Мне-то откуда его взять? А потом, машина – это совсем другое. Она понятная и на земле. У Наташи машина, я уже пробовала посидеть за рулём. Это так волнительно и невероятно интересно! – Она вздохнула, подумав о том, что машина ей точно не светит ещё много лет. Откуда взять столько денег? Все деньги вложены в бизнес, даже на зарплату себе и Наташе практически ничего не остаётся. Хотя как это удобно – машина! Совсем другой мир открывается.

Они выбежали из подъезда; стояла морозная предновогодняя ночь. На улице было пустынно, и только заснувшие машины в ожидании своих хозяев смотрели на них своими широко распахнутыми глазами-фарами. Айша вдруг резко остановилась на последней ступеньке порога.

– Ой, как холодно! Ты, наверное, меня разыгрываешь. Пойдём лучше домой. – Айша улыбалась и тянула его за руку обратно, в тёплую пустоту подъезда.

– Да нет же, птичка, пойдём, я тебе говорю! Ещё буквально пара шагов. – Герман сжал покрепче её ладошку и потянул за собой. – Идём, идём же!

За углом дома, аккуратно под фонарём стояла маленькая красная машинка. Снежинки медленно опускались, покрывая её белым невесомым кружевным покрывалом, словно оренбургским платком.

Герман обнял Айшу.

– Закрой глаза. Не подсматривай и слушайся меня.

Она услышала звук открывающейся дверцы, почувствовала, как он подхватил её на руки, а потом бережно усадил на сиденье.

– Всё! Можешь открывать! – Он обошёл машину и сел рядом с ней на пассажирское сиденье.

– Ой! Что это всё значит? Почему ты меня за руль посадил и чья это машина? Ты себе новую машину купил? Красивая! – Она провела пальцами по «торпедо» и положила руки на руль.

– Здорово! Поздравляю тебя с покупкой!

– Что ты! Нет, это не моя машина. – Он взял её руку, раскрыл ладошку и торжественно положил в неё ключи с брелоком сигнализации. – Это ТВОЯ машина!

– Герман, ты что?! Не может быть! Откуда? Как? – Она такого не ожидала. У неё, не привыкшей к подаркам вообще, в голове не укладывалась мысль, что ей можно подарить машину!

– Ну вот, заработал денег по случаю и решил тебя порадовать. Ты же давно мечтаешь о машине, тебе нужно по работе ездить, ко мне почаще станешь приезжать, так удобнее будет. – Он говорил, а сам улыбался, очень довольный собой. – Так что это – твоя машина, мой подарок на Новый год!

– Господи, не может быть! Как ты это придумал?! У меня и прав-то нет, как же я буду ездить? Нет. Давай она всё-таки будет твоей, и ты меня будешь на ней возить иногда. – Айша говорила, а сама не могла осознать масштаба происходящего. Ей подарили машину! Не просто подарили – любимый мужчина сделал такой королевский подарок!

– Я уже всё продумал. Буду тебя по выходным учить ездить. Начнём на «Ниве», а потом продолжим на твоей машинке. Это «Ниссан Микра», товарищ из Германии пригнал. Я, как увидел, понял, что это то, что тебе нужно. И в автошколе запишешься. А потом решим с получением прав и экзаменом.

– Спасибо, спасибо, спасибо, мой любимый! – Айша повернулась к Герману, обняла его за шею и целовала, целовала.

Потом она выскочила из машины, позвав его за собой:

– Ну, покажи мне, что тут и как!

– Птичка, темно и холодно уже, пойдём домой, будем отмечать подарок! Там всё расскажу, а утром рассмотрим.

Теперь у неё была машина. Невероятно!

Буквально за пару дней до этого Айша в очередной раз приняла твёрдое решение проститься наконец с Германом. Анализ их отношений крутился в её голове круглосуточно. Ей хотелось ребёнка. Уже почти двадцать шесть, а она не замужем. С Наташей, подругой и компаньоном по бизнесу, они договорились, что будут рожать по очереди. Одна в декрете – вторая на форпосте бизнеса. Первой должна была идти Наталья. Но у неё возникли проблемы по-женски. Нужно было время на лечение и даже, может быть, на ЭКО. У Айши же не было вариантов. Они с Германом предохранялись, детей он не хотел, как-то в разговоре предложил отвести её к знакомому врачу и решить вопрос с контрацепцией. Сам он решать его не хотел. Презервативы и прочие «мужские» способы отрицал категорически, говорил, что тогда теряется смысл от близости, что это неестественно. В итоге ей выписали гормональные контрацептивы. Теперь риска забеременеть не было совсем, но она должна была постоянно пить таблетки. Каждый

день, по графику вечером выпивалась маленькая розовая или белая таблетка, предотвращавшая возможность забеременеть. Так что дети ей не грозили.

Продумав ситуацию в очередной раз, она призналась себе, что без Германа ей будет очень плохо, что она не представляет жизни без него, он – её солнце и небо. Но если она хочет детей и семью, а он нет, то нужно расставаться, излечиваться от него и искать себе мужа и отца своим детям.

Проблем с ухажёрами не было, просто она всех игнорировала – у неё был Герман.

А теперь этот подарок. Как можно бросить человека, которого ты любишь и который только что подарил тебе машину? Это просто некрасиво, даже не говоря уже о том, что это не по-человечески. Ну, и нужно себе признаться в том, что очень рада машине, хотела её, даже и не мечтала о ней, а тут – вот она, стоит у подъезда, красоточка такая! Придётся ещё потерпеть. Нет, сейчас бросить его совершенно невозможно. Ну как сказать ему? Он же расстроится. Так рад, в кои-то веки что-то сам подарил, проявил инициативу. Да и машину тогда придётся вернуть...

Айша накрывала на стол и вела диалог сама с собой. Рядом с ней всегда были два незримых свидетеля её душевных терзаний, взлётов и падений – Ангелок и Чертяка. Так их называла бабуля.

– Помни, внучка, что за тобой всегда следуют двое, один справа от тебя – это Ангелок. Он добрый, радуется за все твои хорошие дела и поступки, крылышками трепещет, улыбается и словно поддерживает тебя. Сделаешь хорошее что-то другим людям и чувствуешь, будто порхаешь над землёй, – это Ангелок тебя на ручках несёт, радуется с тобой. В это время второму – Чертяке – плохо, он корчится и гримасничает, старается напакостить.

– А отчего ему плохо, Чертяке этому?

– Оттого, что ты не его послушала, а Ангелочка. Чертяка тебе всякие пакости нашёптывает, на дурные дела подбивает. Как оступишься, обидишь кого или соврешь, дурное задумаешь – он радуется, а Ангелок плачет. Каждый из них тебе своё нашёптывает, но мы, люди, так устроены, что проказы и козни Чертяки хорошо слышим, а простые добрые слова Ангелочка мимо ушей пропускаем. Так и будут они тебя всю жизнь каждый на свою сторону перетягивать.

– А я что? Мне как быть? Я хочу Ангелочка радовать, а того, второго, вообще не хочу слышать! – Айша представила, как в этот момент те двое около неё засуетились – Ангелок улыбнулся, а Чертяка начал недовольно гримасничать. Ей стало не по себе.

– Ты, внучка, все свои дела и поступки взвешивай, помни про Ангелочка, радуй его, он тебя никогда не бросит и будет твоим помощником, а если Чертяка возьмёт над тобой верх, то дело плохо, пропадёшь тогда совсем.

– Как папа? – Айша представила, что её папу захватил Чертяка, что тот не совладал с ним и папин Ангелок погиб. Вот, оказывается, почему папа такой! Это не он, это всё Чертяка!

Бабуля ничего не ответила, прижала её к себе, положила свою тёплую ладонь, шершавую от работы и пахнущую тёплым молоком, Айше на голову, стала гладить и перебирать её волосы, качая всем телом, словно убаюкивая свою маленькую внучку.

– Помни про Ангелочка, Аишечка, помни. – Горячие слёзы стекали по бабулиному лицу и пропадали в Аишиных волосах, впитывались, растворялись, словно живительный бальзам.

Наутро бабуля отвела Айшу в храм. Она уже не помнит подробностей того, что там происходило. Помнит только, как её удивил сам храм. Белый, с ярко-зелёными луковками на крыше, в окружении цветущей сирени и яблонь, он стоял на пригорке посреди деревни, словно игрушечный домик из сказки. Внутри из всех окон струилось щедрое солнце, играло лучами с золотом, которым было щедро всё украшено внутри. И аромат храма тоже врезался в память навсегда, он был незабываемым. Пахло чем-то очень близким, родным, тёплым. Кедрово-медовый запах ладана перемешивался с ароматом свечей, солнца, счастья и радости от нахождения в этом волшебном домике.

От этого дня из воспоминаний, а было ей всего-то лет шесть, остался крестик на груди и новое имя, которое ей дали там, в храме.

– Запомни, что при крещении ты Елена, это имя твоей святой – святой Равноапостольной Царицы Елены. Она теперь твоя небесная покровительница.

Конечно, она тогда многого запомнить не могла, бабуля повторяла ей много раз и рассказывала истории про Иисуса Христа, Равноапостольную Елену, ангелочков, чертяк – на ночь, как сказки. Айша и сейчас, ложась спать, частенько вспоминает те отрывки и моменты из детства, которые всплывают в памяти. Бабулю и её напевный голос, читающий сказки, уютную небольшую комнату с иконами в углу, вязанную скатерть на столе, вкусные бабушкины шельпеки, которые та ловко пекла поутру, пока Айша ещё спала...

Сегодня Ангелочек был явно недоволен Айшей, может быть, даже плакал. А вот Чертяка хихикал и подпрыгивал от радости. Она сама себе была противна. Так радовалась машине, что про все свои решения и данные себе обещания забыла.

«Нет, ну признайся себе, что ты из-за этой новой маленькой красной игрушки с ним остаёшься. Разговор свой отложила, действовать передумала», – шептал Чертяка, потирающий от радости ладошки.

«Ну тебя! – отвечала мысленно Айша. – Я же никогда ничего не просила, он сам так решил, и я его просто обидеть боюсь. Не хочу делать больно человеку в момент его радости».

– Гера, иди за стол, у меня всё готово! Будем отмечать! – Айша заглушила в себе все сомнения, поправила салфетки и торжественно выставила бокалы для шампанского.

Потом они вечерами катались на его старенькой «Ниве» по городу. Он терпеливо объяснял ей правила вождения и устройство автомобиля. Удивительно, но лучшего учителя было трудно представить. Обычно мужчины не в состоянии обучать вождению машины своих вторых половинок. Очень уж нервный это процесс. Страшно, что въедет она сейчас куда-то не туда, машину испортит и сама убьётся. Сколько женских слёз пролито на этом поприще семейного обучения, сколько скандалов случилось в самых благополучных семьях и крепких парах. Ну не выдерживает обычно мужская психика женского стиля вождения и понимания ситуации на дороге. А между тем, по статистике – а это штука точная и упрямая, – именно у женщин процент безаварийного вождения в три раза выше, чем у мужчин.

– Смотри, видишь, перед тобой машина, нужно держать дистанцию, если он резко затормозит, например пешеход перед ним дорогу перебегает, а ты этого пешехода не видишь, то ты не успеешь среагировать, если расстояние между вами маленькое, влетишь ему в зад и будешь виновата. – Герман спокойно, без нервов, своим уверенным бархатным голосом выдавал ей водительские секреты. Айша млела. Ей так нравилось, что он рядом, они вместе чем-то занимаются, он к ней прислушивается и хвалит, когда получается.

Вначале ездили по дворам. Она приезжала к нему после работы, выпархивала из вестибюля метро «Семёновская», гостеприимно распахивающего перед ней двери, и там, на площади возле кинотеатра «Родина», её ждала белая «Нива», ставшая родной, и её Гера.

– Руль крути аккуратно. Здесь тугой руль, он без гидроусилителя, как на твоём «Ниссане», там тебе легче будет.

Айша старалась изо всех сил провернуть руль, особенно тяжело, когда сдаёшь назад в повороте. Руки тонкие, сама маленькая, еле дотягивалась ногами до педалей. Приноровилась учиться в сапогах на каблуке. Каблуком упираешься в пол, и он работает словно рычаг, тогда нога не на весу, а между каблуком и педалью.

– Зачем мы учимся на ручной коробке передач? В моей машине ведь «автомат» стоит.

– Да, но сдавать на права ты будешь на ручной коробке и вообще на другой машине. Той, что в ГАИ будет. Погоди, как «ручку» освоишь, сможешь ездить на чём угодно.

Герману нравилось заниматься с Айшей. Она так внимательно его слушала, старалась, почти не спорила.

«Почти». – Он улыбнулся своим мыслям. Они уже вернулись к нему домой, мать, как обычно, была в своей комнате и к ним не вышла, увлечённая очередной телефонной беседой, за дверью слышался её чуть сиплый от курения голос. Айша прошла сразу на кухню – выгрузить продукты и готовить ужин. Он же лёг на диван, включил ноутбук и стал смотреть переписку с поставщиками. Первое письмо было от продавца запчастей. Он заказал для машинки Айши новые колонки. Хороший звук – это очень важно, считал он. Он и в своих машинах поставил новые колонки известного бренда. Когда едешь, включаешь на среднюю громкость, низы ухают, верхи чистенькие, включишь АВВА или Барри Уайта – полное ощущение погружения в музыку.

Как вообще ему пришла в голову мысль купить ей машину? Всё неслучайно, видимо. Эту мысль ему подал знакомый. Они пересеклись по делу, и тот рассказал, что купил жене новую машину – подержанный «Ниссан Микра» в очень хорошем состоянии, пригнали из Германии специально для него. Красного цвета.

– И ты представляешь, она ей не понравилась! Прямо категорически. В слёзы, сопли, ну, все эти бабские дела. «Не хочу красную, и всё!» – воет белугой. Мол, я так ждала, так мечтала, а ты мне красную. Вот что теперь делать? Нужно срочно продавать и гнать ей другую. Ты не знаешь, может, кому-то нужна красная бабская машина?

– Да, ну и история! Неужели так важен цвет? Вроде красный – хороший цвет, на дороге его видно, выделяется, да и модель отличная для женщины. Что ей не понравилось?

– Вот и я не знаю, что не понравилось, разве их поймёшь! Не хочу, и всё, да ещё и ревёт.

После встречи Герман ехал домой и раздумывал, как помочь приятелю, кому предложить машину. Тут позвонила Айша, сказала, что едет к нему, что накупила всего разного вкусного по дороге и, если он где-то недалеко, не может ли встретить её? Вот тут-то ему и пришла мысль подарить ей машину. А что? Почему бы и нет? Она точно оценит. Даже и не мечтает о таком. Давно уже говорит, что хочет научиться водить, на машину хочет заработать когда-нибудь. А у него как раз сейчас и деньги были, недавно удачную сделку провернул. Думал с Айшей полететь куда-нибудь в жаркие страны, а тут машина. Позвонил приятелю:

– Знаешь, я подумал, заберу у тебя этот «Ниссан», своей подарю.

Герман чувствовал, что привязывается к Айше всё больше.

Он уже явно скучал без её непрерывного щебетания – рассказов про сегодняшней день, про малышей в группах и их родителей, про конфликты с госорганами, учиняющими бесконечные проверки, про взятки, про планы на будущее. Привык к её вкусным ужинам и стал заглядывать к ней чаще, проезжая мимо Сокольников, где она жила в тёткиной квартире, выходящей окнами прямо на шоссе – и парковаться не нужно было, ставь машину у дома и иди на огонёк в окне, где тебя всегда ждут и всегда улыбаются. Это же приятно, когда тебя всегда ждут с улыбкой.

А когда ему было не нужно или лень выбираться из дома – она приезжала к нему. Тогда был вкусный ужин, она покупала что-то по дороге, готовила быстро, буквально за полчаса накрывала стол, принаровилась уже – успевала и комнату их прибрать, и вещи его постирать. Мать продолжала конфликтовать с Айшей, точнее, держала оборону. Защищала себя и свою собственность – сына и квартиру от заезжей нахалки, но со временем конфликт из острого превратился в вялотекущий. Все к нему привыкли. Они старались мать не тревожить, а она не выходила лишней раз из комнаты, чтобы не видеть «эту». Анализировать свои чувства он не пытался. Приятно ему с ней – и хорошо. Чем может, тем помогает. Единственное, она заговаривала периодически про семью и детей, но всем женщинам хочется замуж, а ему это вроде как и не нужно. Его в общем устраивало всё как есть.

Айша не могла дождаться, когда же она сможет уже ездить на своей машине. Они уже два месяца занимались вечерами. У неё неплохо, по словам Германа, получалось на его «Ниве», несколько раз уже выезжали ночью на шоссе и даже пробовали ездить на её «Ниссане». Это было непередаваемо прекрасно и романтично. Она сама за рулём и везёт Германа по ночной Москве! Одновременно Айша нашла рядом со своим офисом, недалеко от «Новослободской», автошколу и ходила туда, осваивала правила, чтобы весной сдать на права.

За время этого совместного обучения вождению они сблизилась ещё больше. Он был к ней очень внимателен, бережно объяснял премудрости управления автомобилем, они стали чаще видаться, можно сказать, что уже жили вместе. И пяти лет не прошло, усмехнулась она. Мысли о том, что нужно расставаться, посещали её реже. Она надеялась, что, привыкнув к ней, он поймёт её ценность в своей жизни, не захочет расставаться и рано или поздно жениться на ней. И тогда у них будет настоящая семья, будут дети.

Дети... Айша работала с детьми и родителями. Их с подругой бизнес рос. Было открыто уже шесть филиалов. Они в самом начале правильно выбрали концепцию садиков полного дня с воспитанием по системе Марии Монтессори. Про эту систему Айша узнала ещё в институте. Их преподаватель по педагогике сама была увлечена этой методикой, много и подробно о ней рассказывала. Айша писала курсовую по этой теме.

«Мария Монтессори – итальянский врач и педагог. Наблюдая за детьми, она подметила, что ребёнок выбирает для игр именно те предметы и ситуации, которые ему сейчас требуются для развития тех или иных навыков. Таким образом, создавая для ребёнка естественную среду с возможностями выбора игровых зон, мы тем самым стимулируем его естественные познавательные потребности. Основопологающий принцип подхода Марии Монтессори, заложенный ею в систему воспитания, – „Помоги мне сделать это самостоятельно“. Взрослый выступает не в роли наставника, а в роли помощника. По этой системе работают тысячи детских садов и школ во всём мире. Впервые система была опробована в 1907 году в Доме ребёнка в Риме. С 1909 года методикой Марии Монтессори заинтересовались во многих странах мира, оценив её эффективность. В 1913 году воспитание по Монтессори было внедрено и в России. Длилось это, увы, недолго. В 1924 году по понятным причинам все детские садики Монтессори в России были закрыты и открылись вновь лишь в 1992 году, благодаря педагогам энтузиастам». Так писала Айша в своей курсовой работе, за которую получила отлично, и воплотила свою мечту, организовав собственный «садик Монтессори».

Айше с подругой пришлось немало потрудиться для создания сети садиков с высокими образовательными стандартами. И хотя ни у одной из них детей пока не было, девушки хорошо понимали потребности родителей и своих маленьких учеников. Всё старались делать на пять с плюсом. Самым трудным было найти нужное помещение. По требованию СЭС это должен был быть первый этаж с собственным выходом в закрытый двор. Комнаты нужны были светлые, с большими окнами и высокими потолками – это уже было представление Айши.

– Детям нужен простор, воздух и солнечный свет. Каморки нам не подходят. – Айша ставила задачу риелтору. – Помещение должно быть не менее ста квадратов, сухое, чистое, с

хорошим отоплением, без всякой сырости и плесени на стенах, с хорошей парковкой и шаговой доступностью до метро.

– Ну и задачки у вас! – Риелтор старательно записывал всё в блокнот.

Мягкая в отношениях с Германом, на работе Айша, напротив, чувствовала себя уверенным, где нужно – жёстким, строгим руководителем. Она точно знала, что хорошо для их бизнеса, выстраивала его по заранее продуманному плану.

Айша с Наташей были ровесницами, которые в свои неполные двадцать шесть лет создали целую сеть садиков. Вначале они просто не понимали, во что ввязываются. Не знали, как это сложно – иметь свой бизнес. И ещё сложнее всё, что связано с детьми, питанием и преподаванием.

Когда не знаешь про трудности, то идёшь смело вперёд и преодолеваешь их по мере поступления.

Первое помещение Айша нашла недалеко от дома Тони, в котором она жила. Это был полузаброшенный детский сад на пересечении улицы Гастелло с 3-й Сокольнической. Однажды, прогуливаясь по району, она набрела на это здание. Во дворе, за старым, кованным, с завитушками растительных узоров забором, стоял двухэтажный дом, покрашенный в светло-жёлтый цвет. Краска на фасаде кое-где облупилась от времени, два одиноких крыльца грустно смотрели на неё окошками входных дверей под съехавшими набок кепками козырьков подъездов. Дело было в сентябре. Всё здание было увито девичьим виноградом, вокруг стояли старые кряжистые яблони, ветки которых ломились от тяжёлых плодов. Яблоки были мелкими, совсем не такими, как в её детстве, но их ярко-карминный цвет буквально освещал всё вокруг. Двор был залит уставшим осенним солнцем и напоён медовым яблочным ароматом. Айша остановилась у решётки забора, стояла, очарованная этим зрелищем.

– Вот он – мой садик. – Она толкнула калитку рукой, та со скрипом поддалась, и она вошла на территорию. Никого не было, удивительная тишина среди грохота мегаполиса...

А сегодня они уже подписывали договор аренды шестого помещения. Все здания были в разных районах Москвы, чтобы охватить как можно больше желающих. За эти почти три года их садики стали на слуху, родители передавали информацию из уст в уста, сарафанное радио в таком деле – лучший способ продвижения. Группы были маленькие – до десяти человек. В каждом здании размещалось по пять-шесть групп. Каждую нужно было обеспечить двумя преподавателями и оборудованием. Создавалась так называемая среда Монтессори. Среда – это то пространство, в которое попадает малыш, придя в садик, может по нему свободно и безопасно передвигаться, самостоятельно выбирая те упражнения, которые будет выполнять.

Айша тщательно подходила к выбору мастеров и поставщиков для наполнения групп специальными материалами, Наташа закупала продукты и контролировала кухню, ведала всеми финансами и счетами их новорождённого бизнеса. Садики работали с семи утра и до восьми вечера, при необходимости ребёнок мог остаться ночевать с дежурным воспитателем. Всё это было огромной и серьёзной работой, которая обязывала Айшу и Наташу постоянно обучаться, в первую очередь повышая свои управленческие навыки. Сейчас стоял вопрос о специальных курсах для воспитателей, чтобы готовить кадры для своих садиков и для других подобных детских учреждений. Айша всё дольше пропадавала на работе.

У Германа же, напротив, со временем с работой разладилось. Если в начале их отношений он хорошо зарабатывал и, в общем-то, ни в чём себе не отказывал, при этом работая из дома, без офиса и в свободном графике, то сейчас его бизнес явно требовал реорганизации. Доходы падали, новые источники не появлялись. Он занимался тем, что ранее называли спекуляцией. У одних брал партию товара, потом находил, кому перепродать его со своей наценкой. Работал с оптовыми поставками, обзавёлся сетью компаньонов, которые за процент передавали ему информацию о покупателях.

Совершая несколько крупных сделок в месяц, он мог всё остальное время ничего не делать. Точнее, заниматься тем, что ему нравилось.

Он с увлечением фотографировал, потом сам проявлял снимки. В его комнате был так называемый стенной шкаф – углубление, закрытое дверью. В детстве он всегда думал, что это дверь в другой, сказочный мир, как в камерке Папы Карло, только на его двери не был нарисован очаг. Поначалу в этой кладовке хранился какой-то хлам, накопившийся за много лет, но, когда Герман расчистил её, камерка оказалась неожиданно приличного размера – преимущество сталинской застройки. Он сделал там полки и разместил компактную фотолабораторию. В студенчестве Герман фотографировал группы в институте, подрабатывал на фотографиях детей сотрудников кафедр, часом в обмен на зачёты. Иногда ездил на хлебозавод, снимал им хлеб для рекламы.

У него неплохо получалось. Если бы он развивался в этом направлении, смог бы стать востребованным фотографом. Но ему не нравилось работать с заказчиками, которые диктовали свои условия и правила. Не одобряли выбранные им фото, просили изменить фон либо ракурс. Всё это расстраивало, и он снимал просто для себя. Герман хорошо разбирался в самой фототехнике, стал торговать и ею тоже. У любителей скупал фотоаппараты и сдавал их в профессиональную комиссионку на Кутузовском проспекте. Таким образом перезнакомился с фотографами и стал работать по их запросам. Доход от этого был, но не стабильный. Он никак не мог встроиться в новую бизнес-среду с большими оптовыми сетями, поглощающими мелкий спекулятивный бизнес.

Мысль, чем заняться, не давала ему покоя. Всё чаще Айша, приходя к нему домой, заставляла его в раздумьях на диване либо за компьютером и игрой в «бродилки», которая стала просто катастрофой для их отношений. Когда он играл, для него не существовало ничего и никого. Самое неприятное, что он не мог остановиться. Они ужинали, обсуждали какие-то новости с её работы, ложились спать, ну, не совсем спать, конечно. Всё было прекрасно, она уже почти засыпала, утомлённая бурными объятиями, прижималась к нему, обвивая ногами, как он вставал и садился играть.

– Я немного поброжу, – говорил он.

Клавиатура, какая-то специальная, игровая, стучала на всю комнату, монитор, купленный недавно, специально максимально большой из возможных, освещал все вокруг, Герман периодически что-то выкрикивал, переговариваясь в наушниках с другими участниками игры. Когда события развивались не в его пользу, он, бывало, ещё и закуривал сигарету. Обычно он выходил на балкон, а в состоянии такого накала эмоций курил, не вставая с места. Айша не могла спать в таких условиях. У неё были проблемы со сном из-за стрессов в детстве. Нужна была полная тишина и темнота, иначе она не могла заснуть. А тут такая обстановка.

Сказать напрямую: «Выключи компьютер, я спать хочу, мне на работу утром» – она не могла. Ей было неудобно, она же не у себя дома, что он, сам не понимает, что ей вставать рано, а легла она так поздно?

Айша пыталась намёками уложить его спать. Бесплезно. Герман был не с ней.

И Алевтина Васильевна, и Герман ложились, когда рассветало. Айша утром вставала раньше всех. Она тихонько собиралась, выпивала кофе, готовила ему нехитрый завтрак – пару бутербродов, салатик из огурчиков с помидорами, насыпала в чашку кофе с сахаром и уходила на работу. Весь день чувствовала себя разбитой, спасалась кофе, хотя молодость есть молодость, ещё и не то можно выдержать.

Глава 2

Тоня

Листья папоротника распускаются медленно, постепенно осваиваясь в пространстве – сильные и крепкие, несмотря на видимую нежность. При пробуждении они преодолевают толщу старых сухих сопревших листьев, прорываясь из глубины земли к свету. Ещё немного – и каждый из них развернётся тонким кружевным пером павлина и будет горделиво покачиваться на ветру: вот, мол, я каков! Посмотрите!

Тоня жила совсем рядом с парком Сокольники. Это старый район Москвы. Раньше здесь был лес, где московская знать охотилась с ловчими птицами. Отсюда и название местности – Сокольники.

Знатных мальчиков с детства обучали искусству соколиной охоты.

Хотя птицы использовались разные – это и быстрый сокол, и мощный кречет, и сильный беркут, но в народе охоту с птицей принято называть соколиной. Ребёнок должен был уметь поймать птенца той или иной птицы, обучать его, ухаживать, чтобы достигнуть взаимопонимания и использовать в дальнейшем на охоте. Ценилось умение выследить добычу, броситься на неё сверху, а потом по зову хозяина вернуться на обтянутую кожаной перчаткой руку. В те времена охотничьи птицы так ценились, что были лучшим подарком, ценнее золота и мехов.

В наше время редкий сокол пролетит над сохранившимся достаточно большим лесным массивом. Лес начинался в Измайлово, плавно перетекая в Лосиный остров, Сокольники, ВДНХ и Ботанический сад.

Сотни километров прошагала Тоня по тропинкам любимого парка. Хожено-перехожено. Вначале с мамой и папой, потом с подругами и ухажёрами. Почти каждое утро в юности она начинала с пробежки. Склонная к полноте, она уже лет с четырнадцати стала следить за своим весом, хотя в далёкие шестидесятые (а родилась Тоня сразу после войны, в сорок шестом), мало кто об этом задумывался, не было тогда тотальной моды на худощавость.

Жили они вначале на 3-й Рыбинской. С улицы был проход через арку, и там стоял их старый кирпичный четырёхэтажный дом, построенный ещё до революции для рабочих макаронной фабрики, которая располагалась неподалёку. Буквально в нескольких шагах стоял необыкновенный особняк, похожий на шоколадную коробку, принадлежавший Иоганну Леонгардовичу Дингу, который владел шоколадной, кондитерской и макаронной фабриками.

При советской власти в 1922 году макаронную фабрику Динга переименовали в «Московскую макаронную фабрику № 1», на ней и работали родители Тони, чудом получившие жильё в этом доме.

Она очень любила свой район. Когда подросла, мать умудрилась обменять квартиру – подкопив денег, совершила обмен с увеличением жилплощади. Позже на Русаковской улице, где они стали жить, массово сломали старые дома и построили новый блочный длинный дом с лифтами, магазинами на первом этаже и прочими современными удобствами. Так их скромная однушка превратилась в шикарную по тем временам двушку. До парка было, конечно, далеко-далеко, зато совсем рядом было метро, и окна двушки выходили на шоссе.

Вечерами можно было сесть у окна и наблюдать, как едут машины, торопятся пешеходы, хлопают деревянные двери входа в метро – жизни круговерть. Потом, когда Тоня начала встречаться с мальчиками, мама то и дело выглядывала её в окно, ждала, когда придёт последний трамвай или откроются двери метро и из них выбежит припозднившаяся дочь.

Совсем рядом была старая пожарная каланча, она до сих пор стоит на своём месте, кого только не пережив. Построили её ещё до революции, когда Сокольники были не районом Москвы, а селом. У жителей не было пожарной команды, и они обратились к властям с прось-

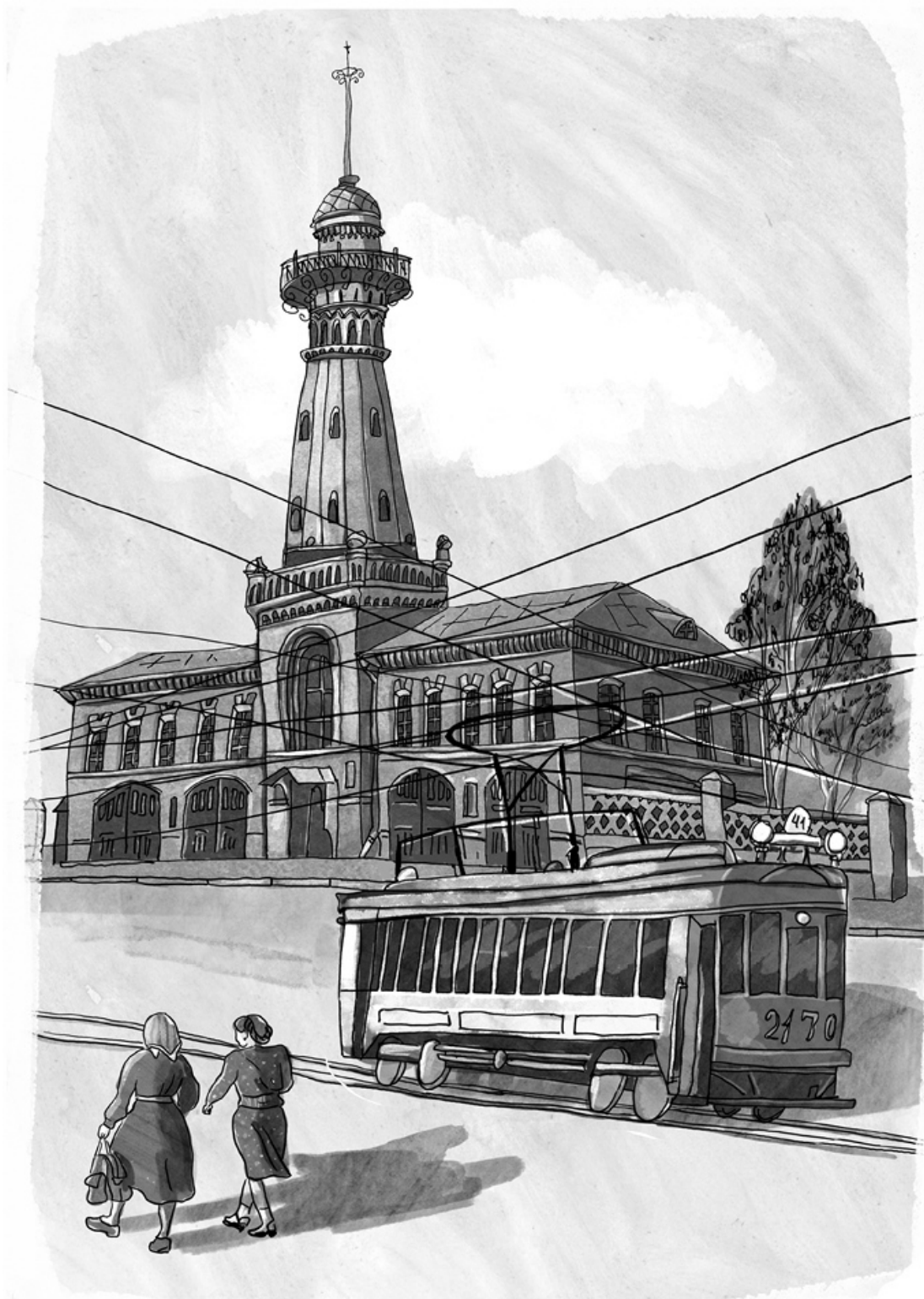
бой о постройке собственной пожарной части. Разрешение было получено, и потом долгие 18 лет всем селом собирали деньги на строительство. Далее объявили тендер на проект здания пожарной части с каланчой. Лучшим был признан проект Максима Гепнера. Строили из красного кирпича, очень по тем временам дорогого. В 1884 году пожарная часть с каланчой, которую венчала обходная галерея, была построена. На мостках галереи круглосуточно дежурил дозорный, в случае пожара он вывешивал флаг или фонарь и давал сигнал в помещение дежурной команды, которая выезжала в течение пяти минут. Много историй и легенд связано с этой каланчой. По одной из них, сам Ленин прятался от жандармерии в этом здании. Тоня назначала свидания ухажёрам и встречи с подругами у каланчи, специально не у метро и не у парка, чтобы можно было восхититься старинной постройкой, посмотреть на реакцию товарища и рассказать историю этого места.

Важно ли, где ты родился и вырос? Москвичи, да и, наверное, жители других больших городов, большое значение придают своему району. Тоня не представляла своей жизни без Сокольников с густым лесным массивом, уютными парковыми дорожками, лыжами зимой, велосипедом летом, трелями соловья весной и проводами лебедей по осени на многочисленных Сокольнических прудах. Душа её была оттуда. Жители Кутузовского и Ленинского проспектов совсем другие. Причём они тоже отличаются друг от друга. Преображенцы и лефортовцы похожи, но разные по своей лёгкости и исторической причастности к Москве. А те, кто родился и вырос в самом центре, на Петровских линиях, Столешниках, Кузнецком мосту, ощущают себя московской аристократией, и это неискоренимо.

Тоня искренне считала, что её малая родина оказала сильное влияние на всю её жизнь. Все её таланты – оттуда. Место, где она выросла, было напитано природой, ощущением полёта, и тут же улочки и переулки, пройдя по которым буквально пару километров, ты оказываешься на Яузе, путешествуешь по изогнутым дугой мостикам, а там ещё часок пешком – и вот он, красавец Кремль! Чудо!

– Уехать из родного города? Да вы что! Никогда! – обычно отвечала она, если кто-то спрашивал, сможет ли она жить где-то ещё, хочет ли переехать куда-нибудь.

– А если замуж выйдешь и муж будет из другого города?

– Так все в Москву хотят, а я уже тут! – смеялась Тоня в ответ. – Будем жить в Сокольниках!

Девушкой она была статной и яркой. Высокая, метр семьдесят пять, с тёмными длинными волосами, которые скручивала в узел у основания лебединой шеи или, наоборот, поднимала высоко вверх, связывая в конский хвост, открывая высокий белый лоб, свидетельствующий о наличии сильного характера и здравого ума. Глаза у Тони были карие, с вкраплениями маленьких солнечных пятнышек, смотревшие на собеседника всегда с любопытством и чуть свысока.

Помимо родного района и парка, Тоня очень любила метро. Все маршруты по городу старалась составить так, чтобы обязательно спуститься в роскошную подземку. Наземный вестибюль на её станции – не такой, как везде, отдельный маленький домик с хлопающими деревянными дверьми, потом два длинных коридора, потоки приехавших и отъезжающих не пересекаются, можно пройти мимо одновременно и не увидеть друг друга.

Сама станция – незатейливая, одна из самых скромных на этой линии, наверное, потому, что это первая станция московской подземки.

Хотя как посмотреть. На международной выставке достижений техники и искусства, проходившей в 1937 году в Париже, проект станции был удостоен Гран-при. Видимо, оценило строгое международное жюри лаконичные, квадратные в сечении колонны из уральского мрамора Уфалей и оригинальный потолок, разделённый на прямоугольные ниши – кессоны. В Тонином детстве платформу освещали большие белые шары, закреплённые на чёрной ножке, они напоминали ей свисающие воздушные шарики. К сожалению, в семидесятых годах во время реконструкции их заменили на обычные люминесцентные светильники – скучно. Только стены не нравились Тоне. «Ну почему же их плиткой выложили, а не мрамором?» – сетовала она всякий раз, когда ожидала поезда, чтобы отправиться по своим делам.

По окончании школы Тоня пошла в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Сознательно выбрала его, хотела работать в метро. Ей казалось, что это очень нужная и интересная профессия. Родители её поддержали, оба были из рабочих семей, высшего образования не было ни у отца, ни у матери, и они очень гордились тем, что дочка собралась в инженеры.

Поступать туда Тоня надумала, ещё будучи в восьмом классе, съездила на день открытых дверей, подружку с собой прихватила, всё разузнала и стала подтягивать физику с математикой, чтобы сдать экзамены. На репетиторов у родителей денег не было, нужно было всё осваивать самой.

Тоня расходовала себя рационально. Там, где нужно было, – выкладывалась полностью.

Могла поехать за учебником или тканью на новое платье через всю Москву, могла не спать ночами, заниматься без выходных и прогулок. Там же, где, по её разумению, было не нужно, она вела себя порой даже странно и непонятно для окружающих.

– Тоня, у нас завтра репетиция праздника в честь Первого мая, ты пойдёшь? – спрашивала подруга. Вопрос был номинальный, шли все. Как это – не пойти на репетицию? Тоня же для себя определяла, что ей лично это сейчас не нужно, и под любым предлогом, культурненько избегала ненужных телодвижений.

– Нет. Я завтра договорилась Марье Степановне в библиотеке помогать. Там книги привезли, нужно подготовиться к новому учебному году, формуляры заполнить.

И правда ведь шла в библиотеку, помогала, потом сидела там же над учебниками, изучала и готовилась к экзаменам. «Вот это нужно, а праздник они и без меня проведут».

Понятно, что в результате такой дисциплинированности она в институт поступила. Учиться было очень сложно. В группе – преимущественно мальчишки, которые, конечно, лучше неё разбирались в точных науках. Отстающей она быть не хотела, с кем дополнительно заниматься – не знала. «Нужно что-то придумать, а то вылечу – и куда тогда пойду? Позор какой!» – рассудила Тоня и стала действовать.

В сентябре весь первый курс поехал на картошку. Тут уж не поехать было нельзя. За «саботаж» сельхозработ могли и отчислить.

«Картошкой» называлась помощь колхозам и совхозам в уборке любых овощей. Обычно это было осенью, во всё остальное время сельские жители справлялись сами, а вот для уборки урожая нужна была дополнительная, пусть и неквалифицированная, рабочая сила. За студен-

тами сохранялась стипендия, и почти на месяц все первокурсники ехали собирать урожай и постигать романтику сельской жизни.

Жили в бараках – комната мальчиков и комната девочек. Происходящее чем-то напоминало пионерский лагерь, только с утра за ними приходила машина или автобус, чтобы отвезти на поля.

Трудовой десант длился месяц – с первых чисел сентября по начало октября. В сентябре утром холодно, руки стынут. Идешь по полю и собираешь в мешки круглые картофелины. Бывало, попадались смешные экземпляры. Вот одна похожа на сердце, кривенькое чуть-чуть, но пыльное. А эта – на их физика или на бригадира Кольку, с таким же смешным носом. Такие ценные экземпляры откладывались в сторону, а потом вечером устраивался конкурс на лучшую картошку дня.

Вечером, уставшие, замёрзшие и голодные, они возвращались в бараки. Кормили их простенько – картошка с тушёной или макароны с ней же. Через месяц такого питания худосочные городские студенты возвращались домой, заметно прибавив в весе. Ну точно как в пионерском лагере!

Сколько семейных пар и любовных историй выросло из таких поездок!
Не сосчитать!

Тоню, как особо шуструю и сообразительную в работе, довольно быстро перевели на сортировку. Это было очень престижно, туда мечтали попасть все. Там уже не по полю с мешком ходишь, согнувшись в три погибели, а стоишь себе у транспортёра и отбираешь мелкие картофелины в одну сторону, крупные – в другую, гнилые и резанные откидываешь, на корм скоту потом пойдут.

Как самая активная, она уже и с бригадирами подружилась, помогала составлять графики выхода смен и постепенно всех своих девчонок из группы организовала на сортировку.

Через неделю зарядили дожди. Вот это было испытание, особенно для тех, кто в поле. Земля раскисала под ногами, липла к доньям вёдер, перчатки промокали, мокрые руки сводило от холода. Тоне было жаль своих сотоварищей, особенно девчонок, которые работали в поле.

На этой «картошке» первокурсники хорошо узнали друг друга, стало понятно, кто есть кто. На кого можно положиться, а кто только о себе думает. Конечно, можно здесь возразить, что для дальнейшей учёбы это не важно, там каждый сам за себя на экзамене, но тут – тут всё было по-другому.

Через неделю дождей девушка, выбранная старостой их группы, заболела. Было переизбрание, все проголосовали за Тоню. Ей вообще не хотелось выбиваться в лидеры. «Не нужно это», – думала она про себя, но отказать прилюдно коллективу не смогла и согласилась.

Старостой второй группы, которая жила с ними в одном бараке, был Сергей. Дальше всё развивалось как в лучших советских фильмах про любовь.

Вечерние песни под гитару, прогулки по деревне за молоком, закаты, рассветы, бытовые трудности, которые объединяют похлеще закатов. Сергей был душой компании, вечерами все просили его спеть и дружно запевали вместе с ним. И хотя Тоня не любила таких посиделок, считала это ненужным, но приходила вместе со всеми, дабы не отставать от коллектива. Сергей, видимо, чувствовал её отстранённость на контрасте с всеобщим восхищением – это его и привлекало.

– Антонина или Тоня, как лучше обращаться? – Он отложил гитару в сторону, закончив очередную песню. – А может, нам с тобой спеть вместе, почему ты к нам не присоединяешься?

– Спасибо, я не пою, я слушаю. Слушать тоже кому-то нужно, – ответила она и сама подумала, что чересчур сурово сказала.

Тоне понравилось на картошке именно тем, что она перезнакомилась со всем курсом, ребятами и девчатами из разных групп, теперь она всех знает и точно сообразит, к кому обра-

титься за помощью, если будет отставать в учёбе. Всё. Больше ей тут ничего не было нужно. Она точно не хотела никакого романа, и замуж в ближайшие годы, в отличие от своих сверстниц, не собиралась, поэтому на попытки Сергея ухаживать за ней реагировала без особого энтузиазма.

Вечерами, перед сном, девчонки обсуждали, как прошёл день, делились сокровенными мыслями, те, кто оставил парней в Москве, писали письма.

– Тоня, вот тебе повезло, самый видный парень за тобой ухлёстывает, – обмолвилась как-то Галя, девушка с соседней койки.

– Вот ещё! Мне не нужны эти ухаживания. Я сюда работать приехала, а в институт поступила, чтобы учиться, – отрезала Тоня, показывая, что не намерена продолжать разговор.

– Да? Вот бы он за мной захотел ухаживать, да я бы счастлива была, – не унималась Галя. – Такой парень видный! Высокий, широкоплечий, блондин, да ещё и волосы выются. А поёт-то как, заслушаешься!

– Певец – это не профессия. Давай спать. Вон, смотри, опять дождь зарядил, завтра опять все промокнут, а ещё эта одежда толком не высохла.

– Ну, спать так спать, – вздохнула Галя. – Да, я хочу тебе спасибо сказать за то, что ты меня на сортировку вытащила, а то бы я уже разболелась, как другие.

– Да я-то тут при чём? Просто ты хорошо работаешь, вот тебя и поставили ко мне в бригаду. Всё, спим, – ответила Тоня, а сама задумалась насчёт Серёги. Может быть, и правда присмотреться к нему, всё ходит вокруг неё и ходит, вчера картофельное сердце ей притащил и песню спел под окном сортировки про сердце, которому не хочется покоя... Тот ещё романтик, девчонки все обхохотались!

* * *

Весна в Москве наступает всегда намного раньше, чем в Подмосковье. Может быть, потому, что в городе много асфальта и каменных домов? Хотя каменным мешком Москву точно не назовёшь, вся эта масса камня нагревается на весеннем солнце, отогревая вечерами влажный мартовский и апрельский воздух. На две-три недели раньше просыпаются деревья и цветы, а на газонах ярче зеленеет травка.

Тоня ждала весны больше всех. Родители целыми днями пропадали на работе. Отец приходил пораньше, а мама брала подработку и вечерами ещё мыла полы в подъездах двух домов. Тоня была предоставлена сама себе почти с рождения. Нет, конечно, она ходила в садик и школу, но если болела или приходила с продлёнки пораньше, то с малых лет сама разогревала себе еду или ела холодное, что мама оставила, а иногда просто покупала булочку по дороге. Весной можно было пропадать на улице допоздна. Было тепло и светло, всегда находились друзья-товарищи для игр, можно было бегать по парку, строить там шалаши, играть с одноклассницами и соседками в дочки-матери или просто с девчонками, с которыми подружилась. Правда, с посторонними она дружить не любила.

Всякие попадались – и врушки, и воришки, сразу не разберёшь, и от этого спокойно играть не будешь.

Ей нравилось заходить в булочную неподалёку от пожарной каланчи. Она располагалась в угловом двухэтажном доме с эркером и резными башенками, похожими на те, что есть на здании ГУМа. Этот дом был почти самым высоким в округе, выше была только сама каланча да храм, который находился через дорогу по пути к Тониному дому.

В семидесятых эта булочная прославится съёмками фильма «Место встречи изменить нельзя», в восьмидесятых её, увы, снесут, так недальновидно поступали в то время с памятниками архитектуры, ну а пока Тоня ходила туда за хлебом.

До булочной приходилось идти, удаляясь от парка и от дома. Родители долго не разрешили ей ходить туда одной, но уже лет с семи она смело шагала в магазин и обратно, принося в сетчатой авоське румяный и хрустящий, пахнувший на всю улицу свежий хлеб. Буханки выгружали с машин в больших деревянных лотках и продавали прямо с них ещё тёплым.

Самым большим испытанием было не съесть весь батон по дороге. Однажды Тоня увлеклась и хлеб до дома не донесла. Шли они тогда из школы вместе с Машей, школьной подругой и соседкой по подъезду, домой идти не хотелось.

– Маш, давай в булочную пойдём, как раз успеем, сейчас машина приедет.

– Давай! Тоня, а у тебя деньги есть? Очень хочется хлебушка, но у меня сегодня нет ничего.

– Вот! Смотри! – Тоня достала из кармана руку, разжала кулачок и продемонстрировала небывалое богатство – один рубль и пятьдесят копеек. – Нам хватит. Это мне мама на хлеб дала. Идём! Заодно прогуляемся.

Им было тогда по 10 лет. Обе чувствовали себя взрослыми. Подошли к булочной вовремя: машину уже разгрузили и начали продавать хлеб. Стояла очередь из ценителей свежего хлебного духа, они всегда приходили к заводу.

Ничто не сравнится с ароматом свежайшего, ещё горячего хлеба – он пахнет любовью.

Девочки купили батон, положили его в авоську и пошли обратно.

– Тоня, ну давай по кусочку съедим, мама твоя ведь не будет ругаться?

– Если мы по чуть-чуть, а остальное на ужин останется, то не будет. Они отломали румяный бочок, а точнее, «попку» горбушки; хрустящие крошки отлетели и упали на мостовую, за ними тут же подлетела пара голубей, которые стайкой сидели на крыше каланчи и ждали, когда кто-нибудь нетерпеливый начнёт терзать горбушку и им перепадёт самое вкусное – хрустящие крошки.

– Держи, тебе половинку и мне половинку.

Они шли домой, вспоминая забавные случаи, произошедшие на переменах в школе, смеялись, прыгали в классики на недавно начерченных кем-то на асфальте квадратиках с цифрами, потом чуть не поссорились, решили сделать крюк и пройти через парк, посмотреть, не заработал ли фонтан. Подходя к дому, подружки-хохотушки обнаружили, что от хлебной булки осталась последняя горбушка.

Тоня ждала родителей с работы. Ей было стыдно и страшно. Она знала, что мама будет ругаться. «Может быть, сказать, что у меня хулиганы украли хлеб? Или что это Машка голодная была и всё сама съела? Ну, может, её не будут ругать», – придумывала она версии, чтобы избежать наказания.

– Тоня, ты дома? – Мама вошла в квартиру, не разуваясь, прошла на кухню и поставила на стул сумку с молоком и ещё какими-то продуктами.

– Да, мамочка. Уроки делаю и кукле платье шью. Пойдём, я тебе покажу. – Тоня старалась говорить своим обычным голосом, не выдавая волнения.

– Хорошо, сейчас переоденусь и посмотрю. А ты хлеб купила?

– Я купила, но у нас его нет, – промолвила Тоня тихим голосом.

– Как же так?

– Ну, понимаешь, я шла и не смогла сдержаться, съела его по дороге. Прости меня, мамочка! – В последнюю минуту Тоня решила, что не будет врать, скажет правду, пусть её ругают, но за правду, так будет честно. И про Машу говорить ничего не будет.

– Тоня, это очень плохо. Тебе нельзя ничего поручить. Ты ведь уже взрослая. Думаешь, мне не хочется есть? А я вот молоко домой принесла, для всех, чтобы утром кашу сварить. Дело, дочка, не в хлебе. А в том, что ты не умеешь терпеть и не думаешь о других, то есть

о нас с отцом. Чтобы урок тебе запомнился, неделю после школы – сразу домой, гулять не разрешаю. Ты наказана.

– Ну мам, ну прости, я же просто голодная была, – пробормотала расстроенная Тоня, хотя знала, что мать – кремень, и если один раз сказала, то это всё, решение принято.

Характер у Тони был лёгкий. Уже утром она не расстраивалась из-за наказания, размышляя о том, чем же она займётся после школы, если ей гулять нельзя.

Чем она только не занималась в детстве! Шила, вязала, ходила на танцы, занималась игрой на скрипке, фигурным катанием и даже посещала изостудию. Скучать ей было некогда. А ещё, придя из школы, она каждый день подметала и протирала полы в их небольшой квартирке, мыла посуду и плиту на кухне. Это были её домашние обязанности. После них и выполненных уроков она могла делать то, что ей нравится. Предоставленная весь день сама себе – до глубокого вечера и прихода родителей, – Тоня всегда знала, чем именно она будет заниматься и зачем ей это нужно.

Начиная примерно с седьмого класса, девочки в школе, а потом уже и в институте мечтали о любви, замужестве, детях, своей семье. Тоня же мечтала совсем о другом. Ей хотелось быть самостоятельной, поступить в институт. В институт поступать было обязательно. «Иначе будешь, как я, макароны фасовать и полы мыть. Любой труд почётен, но не для того я полы мою, чтобы и моя дочь их мыла», – говорила мама. И Тоня мечтала, в какой вуз она пойдёт, как будет учиться и её распределят на интересную работу. Как будет шить себе наряды, ходить в музеи и на концерты, ездить отдыхать.

Муж в её планах был, но когда-то очень не скоро, когда она станет совсем взрослой и ей надоест быть самой по себе.

Её вялотекущий роман с «Серёгой с картошки» продолжался почти все четыре курса. Она то приближала его, то отдаляла, но так и не сблизилась окончательно. Он ходил кругами, встречал и провожал, помогал сдавать сессию, обижался, рвал отношения и возвращался вновь. Следуя принятому ещё в школе решению с замужеством не спешить, Тоня не хотела серьёзных отношений. Вот только Серёге этого не говорила.

– Тонь, тебе парня не жалко? – спрашивала соседка Маша. Она училась в медучилище, собиралась стать медсестрой и была милосердна к людям. – Такой парень – хоть куда! А ты его динамишь. Смотри, он уже высох весь.

– Маша, я ему ничего не обещала. Хочет – провожает, хочет – помогает. Спасибо сказать не забываю. А всё остальное мне не интересно. Просто так гулять – смысла не вижу, а замуж я не собираюсь, да и он что-то не предлагает, честно говоря.

– Что, просто так ходит все четыре курса? Дружба у вас?

– Ну, мы разговариваем, когда он провожает. Он весёлый, но несерьёзный какой-то. По нему у нас в группе все девчонки страдают. А я – нет. Просто приятель, и всё.

После института её распределили в метрополитен – как мечтала!

Будет работать недалеко от дома диспетчером поста централизации. Очень ответственная работа. Сидишь за огромным пультом и отвечаешь за слаженную работу вверенных тебе линий метро. Диспетчеры готовят маршруты, открывают светофоры, производят маневровые передвижения и выполняют ещё огромное количество незаметной, но необходимой работы.

Работала она теперь на «Красносельской». От дома до работы – буквально 20 минут. Мечта! Столько времени для себя потом остаётся! И работа важная, с пользой для людей.

График тоже был подходящий – смены по двенадцать часов, день, ночь, отсыпной, выходной. Иногда график мог меняться, и оставался один отсыпной. Работали и в будни, и в праздники. Теперь Тоня была привязана к своему рабочему графику и выстраивала жизнь в соответствии с ним. «Серёгу с картошки» распределили в другой город. Пару раз он приезжал в гости, но она была на работе, её переставили со сменщицей. Потом приезжать перестал и, по

слухам, через полгода женился на сослуживице, которая оценила красивого, доброго и весёлого Серёгу. Узнав об этом от одногруппницы, которую случайно встретила в городе, Тоня удивилась и обрадовалась одновременно. Ей всегда было неловко, что парень теряет своё время, а она к нему почти равнодушна. Теперь она была за него спокойна.

Вот о чём Тоня, точнее, теперь Антонина Ивановна – так уважительно звали её на работе, несмотря на её 20 с небольшим лет, – никак не мечтала и на что не рассчитывала, так это на служебный роман. Сотрудницей она была хоть и старательной, внимательной и дисциплинированной, но всё-таки ещё малоопытной. Поставили её работать в паре с Василием Алексеевичем, он был на хорошем счету, работал на этом месте уже шестой год и был старше Тони на девять лет. Его предыдущая напарница ушла в декрет, место освободилось, вот на него и взяли Тоню после института.

Василий Алексеевич новой сотруднице обрадовался, стал активно помогать вникать в новое дело, всё объяснял и рассказывал. Почему такое рвение к обучению молодёжи? Напарник на такой работе очень нужен. И не просто напарник, а грамотный и надёжный. Мало ли что за смену может произойти, работа очень ответственная. И хотя вроде основное время ты смотришь за мигающими лампочками и переключаешь тумблеры, на самом деле от тебя зависят жизни людей.

Работая по двенадцать часов вдвоём, бок о бок, сблизись, даже сам того не желая. Тоня сама не заметила, как стала думать о предстоящей встрече с Василием, вести с ним мысленные беседы, советуясь и обсуждая какие-то жизненные вопросы. Что само по себе и неудивительно. Уже пару лет она жила в квартире совершенно одна. Родители ушли как-то быстро, один за другим. Вначале отец, военные ранения давали о себе знать, с возрастом здоровье стало совсем плохое, а за ним и мама. Так и осталась Тоня сиротой в ещё юном возрасте. Может быть, ещё и поэтому внимание Василия Алексеевича было таким желанным и важным.

Ещё через пару лет они поженились – это произошло логично и само собой. Хотя Тоня не планировала выходить замуж, но, сблизившись с Василием, не смогла отказать ему – было неудобно. Если человек к тебе всей душой, разве ты отвернёшься в ответственный момент? Не по-человечески это.

Он плавно вошёл в её жизнь, тихонько так, без романтики и страсти, свойственной её возрасту и первой любви.

Частенько она задумывалась, а любовь ли это? И что это вообще такое – любовь?

В её понимании у них с мужем были просто хорошие, родственные отношения, он о ней заботился, она принимала его заботу. Хотя муж Тоню именно любил. Она это чувствовала. Он буквально носил её на руках, смотрел, как на хрустальную вазу, как на чудом доставшийся приз, был готов для неё на всё, поддерживал все её начинания, заботился, помогал. Ей было неловко оттого, что сама она не может так, как он. «Наверное, это и есть любовь, просто у меня она другая», – говорила она себе, когда муж в очередной раз приходил с работы с букетом и радостно чмокал её в щёку, а она в ответ... А что она в ответ? Принимала цветы и ставила в вазу.

Ещё через год, в свои двадцать три, Тоня родила девочку. Когда забеременела, очень удивилась.

Рано как-то всё. И замужество это, и ребёнок. Разве так она хотела? Разве так ей было нужно?

Роды были несложными, как-то всё само собой произошло, муж бегал вокруг роддома, пытался передать цветы и одарил всех медсестёр. Тоня лежала в палате с ещё тремя роженицами, девочку приносили кормить и забирали обратно в детскую. Каждый раз она с удивле-

нием смотрела на её маленький ротик-клювик, который тянулся к ней и просил молока. Вот она и ещё кому-то стала нужна. А ей, кто нужен ей, Тоне?

Начался декрет. Вот когда появилось время на её любимое шитьё. Тоня и до этого хорошо шила, перешивала и ремонтировала одежду. У неё было чувство вкуса и хорошая фантазия. Старые джинсовые брюки превращались в модную сумку, надоевшее платье – в весёлые шторки, прохудившееся постельное бельё – в распашонки и чепчики для дочки.

Девочка Сонечка получилась похожей на отца. С рождения на головке был ярко-рыжий пушок, со временем потемневший, набравший яркость и насыщенность. Зелёными глазищами она удивлённо взирала на родителей, словно инопланетная гостя. У девочки часто болел живот, она плакала, от этого её зелёные глазки темнели, из их глубины проглядывала боль, которая охватывала ребёнка.

Василий Алексеевич дочь любил, когда был дома, не спускал её с рук, ходил с ней по комнатам старой Тониной в квартиры в Сокольниках, где они жили, баюкал её, качал, заговаривая боль. Тогда она затихала, обессилев, и некрепко спала на его собранных в кольцо руках.

Тоня уставала вместе с дочерью. Хронический недосып нескольких месяцев сказывался на её характере. Девочка постоянно требовала внимания, её было невозможно оставить, она почти не спала, как и Тоня. Обе были измотаны, а выхода не было. Они перепробовали всё. Врачи разводили руками, говорили, что это возрастное и нужно просто набраться терпения. Иногда Тоня отключалась, выпадала из действительности прямо над кроватью. Несколько раз в последний момент спохватывалась, резко возвращаясь из своего сна в реальность, чувствуя, как дочка выскальзывает из её рук. Помогать было некому. Муж задерживался на работе – брал дополнительные смены, её родителей не было в живых, а его жили очень далеко, были глубоко пожилыми и приезжать к ним не могли.

Будни и праздники пролетали калейдоскопом, смешиваясь в один длинный, тягучий день.

От усталости она уже не помнила чисел и дней недели, не выходила на улицу – дочка плакала, и прохожие делали Тоне замечания, дома она хоть как-то могла её успокоить. Укачивая Соню, Антонина раздумывала, зачем она вообще вышла замуж, зачем родила так рано, ведь это не входило в её планы. Сетовала на мужа и маленькую дочь, из-за которых она света белого не видит, полностью забыла о себе, своих увлечениях, любимой работе, вынуждена сидеть и, как привязанная к кровати, качать своего больного ребёнка. «Зачем мне всё это?» – думала она.

В тот день она практически не спала. Это не образное выражение, это когда спишь пару часов в сутки. Утром проводила мужа на работу; Василий не выспался вместе с ней, он старался, помогал, брал дочку на руки, кормил из бутылочки. Но Тоня понимала, что утром ему нужно идти на работу, на двенадцатичасовую смену, что там он несёт ответственность за жизнь людей, поэтому буквально силой отсылала его спать, когда девочка отключалась без сил на какие-то пару часов, чтобы дать отдых и себе, и родителям.

Соне было уже почти семь месяцев, она научилась сидеть, пыталась ползти, и оставлять её одну стало невозможно, даже для того, чтобы отойти что-нибудь приготовить. Тоня обкладывала её подушками на их большой тахте – вдоль стены стояли большие тяжёлые и пухлые подушки, снятые с дивана, вокруг лежали подушки поменьше, собранные по всему дому. Получалось своеобразное ограждение, баррикада из подушек, которую ребёнок ещё не мог преодолеть. Соня перекачивалась по тахте, пытаясь дотянуться до погремушек, стараясь сесть и поиграть, периодически прерываясь на плач от мучительных колик.

Ненадолго оставив притихшую дочку в комнате и проверив надёжность подушечного бастиона, Тоня пошла на кухню, чтобы приготовить дочери пюре из овощей – они уже начали вводить прикорм, врач сказала, что на обычной пище колики могут уйти. Некоторое время было тихо. Тоня сварила овощи, размяла их в ступке, превратив в однородное пюре. Ноги

её не держали, глаза закрывались. Она надеялась, что Соня поест и уснёт хотя бы на час. В комнате дочери было тихо, Тоня присела в кресло на кухне и сама не заметила, как уснула. В её сне девочка плакала и звала мать, зелёные глазки смотрели на Тоню жалобно, она ещё не разговаривала и тянула ручки, пытаясь достучаться до взрослых, взывая о помощи. «Мама, мамочка! – безмолвно кричали её глаза. – Мамочка, спаси, мне трудно дышать, ма-мо-чка!» Тоня проснулась и действительно услышала еле слышный плач из комнаты, где она оставила Соню. «Засыпает, наверное. Не пойду, сил моих нет. Поплачет и уснёт», – подумала Тоня, снова провалившись в сон.

Когда она проснулась, в доме было темно, наступил вечер. В квартире стояла неожиданная тишина. Тоня посмотрела на часы и удивилась. Она проспала почти шесть часов. Как такое возможно? А что же дочка, неужели заснула так надолго и не разбудила её плачем?

Тоня вскочила с кресла, потянулась, размяв затёкшее во сне от неловкой позы тело, и зашла в комнату к дочери.

Соня лежала тихо, неестественно вывернув ручки и ножки, на голове у неё находилась огромная диванная подушка, которой Тоня создала барьер от стены. Она медленно, как во сне, подошла к тахте и сняла подушку с лица Сонечки. Дочка смотрела своими огромными зелёными, неподвижными глазами в потолок и не дышала, губки посинели, она походила на большую застывшую куклу.

– Соня, Сонечка, что с тобой?! Доченька, дыши, девочка моя, дыши!!!

Тоня в испуге то трясла ребёнка, то прижимала к себе маленькое неподвижное тельце, плакала, делала ей искусственное дыхание и не могла поверить в реальность происходящего – дочка задохнулась под подушкой, не в силах сбросить её с себя.

Глава 3 Не вместе

Наступила весна 2008 года.

Уже почти три месяца Герман учил Айшу водить. Вначале на своей «Ниве», потом на её почти новеньком малютке «Ниссане». Она уже ощущала себя асом вождения и рвалась в свободное плавание – быть самой за рулём, без Германа. Останавливало только отсутствие прав на управление автомобилем.

Автошколу она закончила, но при сдаче экзамена по правилам дорожного движения провалилась, до сдачи на вождение не дошло. Вроде готовилась, старательно выбирала правильные ответы на компьютере, вспоминала всё, что учила, – и пролетела. Теперь уже нужно было самой, без автошколы идти в ГАИ и договариваться о передаче. Вот этого она терпеть не могла. Всё, что касалось госорганов, взяток, договорённостей – это было точно не по ней. Её буквально вводила в ступор сама мысль о том, что нужно к кому-то подойти, отозвать в сторону или как-то там ещё договориться в обход правил и что-то, может быть, вручить. Нет. Она так не может. Она и в ведении бизнеса старалась либо всё делать правильно, либо не делать вообще. От этого периодически возникали сложности с проверками и комиссиями, которые в итоге урегулировала Наташа или покровители, но не Айша.

Учитывая всё перечисленное, теперь девушка ломала голову, как же ей получить права. Видимо, шансов нет. Каждый раз, когда Герман заводил с ней разговор о правах, она отмалчивалась или говорила, что позже этим займётся, но с удовольствием ездил с ним рулить по ночам.

Ночная Москва отличается особенной красотой. Пустынные улицы, блики света на домах. В каждом окне живёт своя история.

Город затихает, словно огромный дракон прилёг отдохнуть и тихо вздыхает всем телом. От него исходит тепло, накопленное за день, он заряжается энергией всю долгую ночь, затихает, будто бы его укротил какой-то умелый дрессировщик.

Центральные улицы и переулки живут своей ночной жизнью, не похожей ни на один город мира. Открываешь дверь в клуб или казино, а там бьёт ключом праздничная феерия, льётся рекой спиртное, клубится сигаретный дым, извиваются тела в диковинном танце. Захлопнешь дверь, пройдёшься по напитанным весенней влагой улицам, окутанным мартовским туманом – дыханием спящего дракона, – и ты в другом мире.

Едешь по пустым улицам, перемещаешься из центра на тихие окраины и ощущаешь каждой клеточкой: это твой город, твой до глубины сознания, до боли в груди, до полного проникновения в душу.

– Птичка, у меня для тебя подарок! – Герман сидел за столом и доедал приготовленный Айшей свой любимый свиной стейк.

– Неожиданно! А что за подарок? – Она вытерла руки, развернулась к нему от раковины и присела рядом.

– Тебе это точно нужно, но вот получить сможешь только ты сама. Но я обо всём договорился. – Герман говорил, намеренно понизив свой и так достаточно низкий и глубокий голос, почти шёпотом.

– Не поняла. О чём договорился? Что получить?

– А ты догадайся. О чём ты сейчас мечтаешь больше всего?

«О свадьбе и ребёнке», – подумала Айша, а вслух сказала:

– Ну не томи, рассказывай скорее. Ты же знаешь, что я не люблю гадать. – Айша смешно канючила, будто маленькая девочка.

– Ну хорошо. – Он улыбнулся. – У тебя скоро будут водительские права. Я обо всём договорился с ребятами в твоём ГАИ, только тебе самой нужно будет туда съездить и пройти экзамен. Не бойся, ты его уже сдала, нужно только поприсутствовать.

Экзамен был назначен на девять утра. Ей сказали, что сдавать она будет с группой из другой автошколы. С утра нужно было приехать на час раньше, подать документы в окошко, зарегистрироваться и ждать, когда всех позовут в компьютерный класс на сдачу теории, потом, в случае успеха – а её успех, по словам Германа, уже оплачен, – идти на улицу, на площадку для сдачи вождения.

Герман с ней не поехал. Сказал, что у него дела и что ей нужно учиться быть самостоятельной. В половине восьмого она среди других спешащих горожан вышла из подземного перехода у метро «Площадь Ильича» и пошла через Рогожскую заставу направо, вдоль улицы Сергея Радонежского. Ей очень нравилась Москва, и она старалась заранее изучать маршруты, запоминать названия улиц, узнавала историю мест, в которых бывала. Вот сейчас она проходит мимо старинной часовни, которая стоит встроенной в жилые дома, будто выросла из них. Интересно, так было всегда, или изначально на Рогожке была часовня, а потом предприимчивые горожане из-за отсутствия места построили дома вплотную к ней?

Часовня «Проща» из красного кирпича только недавно была отреставрирована, каждый кирпичик – свидетель истории. «Проща» – от слова «прощание» или «расставание». Такие часовни строили по случаю прощания с отправлявшимися в дальний путь. Стоит она на улице Сергея Радонежского, бывшей Вороньей. Своё нынешнее название она получила благодаря этой часовне, и об этом мало кто из спешащих мимо пешеходов и пассажиров автомобилей – а трафик тут всегда огромный – задумывается. Именно здесь, в «Проще», игумена земли русской, чудотворца всея Руси Сергея Радонежского провожал в Великий Новгород его ученик Андроник со всей братией.

Что ещё видели эти почти игрушечные купола на башенках, чьи ноги ходили по этим ступеням? Рогожская застава – история Москвы. Айша помнила песню из своего детства – то ли бабуля пела, то ли по радио слышала – «Тишина за Рогожской заставою...». Она тогда даже представить себе не могла, что будет жить в этом городе и каждый день узнавать его всё ближе и ближе, наслаждаясь этим сближением. Мечтала ли она о Москве? Стремилась ли именно сюда? Нет. Это вышло случайно и только благодаря Тоне.

«Если бы не она, не представляю, где бы сейчас я была», – частенько думала Айша, с благодарностью вспоминая свою «вторую маму», именно так она про себя стала звать Тоню.

Раньше часовня была заброшенной. Буквально недавно, в конце девяностых, её отреставрировали, и она опять стала действующей. Заново отстроили сломанные купола, разгребли остатки жизнедеятельности чужеродных часовне служб. Кто там только не располагался. В монастырском отчёте Синоду в XVI веке часовня упоминается как неизвестно когда построенная. Во времена Петра I по его указу часовню закрыли и продавали там калачи, потом, при Екатерине I, вновь устроили часовню. Во время пожара 1812 года часовня частично сгорела – пострадал весь её верх. В 1898 году часовню отстроили на деньги мецената к 500-летию Сергия Радонежского. В 1929 году часовню закрыли, верхнюю часть с куполами снесли, а в самом здании расположился вначале винный магазин, а затем – часовая мастерская.

Теперь Айша стояла на пороге часовни, восстановленной в прежнем виде, и не решалась войти. В храме она бывала только в своём детстве с бабулей. Она была слишком маленькой и мало что помнила. Ей было не по себе, она стояла и раздумывала, стоит ли зайти. В этот

момент дверь отворилась, и ей навстречу вышел старик. Увидев сомневающуюся Айшу, он отворил перед ней дверь.

– Заходи, дочка, что же ты стоишь?

Она нерешительно шагнула через порог. Внутри было неожиданно светло. Сквозь высокие полукруглые окна с резными решётками проникало утреннее солнце, играя бликами на золоте икон.

– Девушка, вот вам платок. – К ней подошла немолодая женщина в синем халате и с платком на голове. – В храм с непокрытой головой женщины не заходят, – объяснила она.

– Да, спасибо вам. – Айша говорила шёпотом и уже почти жалела, что осмелилась зайти. Это же не с бабулей. Та всё знала и показала бы ей, сама же она чувствовала себя неловко и не знала, что нужно делать.

– Дочка, да ты не бойся, подойди к иконке, перекрестись. – К ней подошёл старик, чуть подтолкнул в направлении большой иконы, стоящей по центру часовни. Сам встал справа от Айши и перекрестился три раза, отбив низкий поклон. Она послушно повторила за ним.

– И помолись, помолись, попроси прощения у Господа.

– Я не умею, – промолвила она шёпотом.

– А ты как умеешь, своими словами начни, а там Господь тебе подскажет.

Айша обратила лицо к иконе. Стояла и вспоминала свою жизнь, мать, отца, бабулю, Тонечку, их с Германом. Просила прощения и помощи. Слезы выступили у неё на глазах, солнце играло с волосами и с ликами на иконах. Ангелок за правым плечом Айши улыбался и светился от счастья.

Выйдя из часовни, она свернула в переулок, прошла по нему туда, где улица спускалась в сторону Яузы. Не доходя до реки, на углу было ГАИ, расположившееся на территории одного из старинных особняков. Все дома в этой части города были сохранившимися купеческими домами, в которых ныне находились часовые мастерские, офисы, службы быта и даже ГАИ.

Она была здесь пару месяцев назад, когда так неудачно провалила экзамен. Теперь ей нужно было сдать в окошко документы, разыскать мужчину, чьё имя Герман записал на листочке, и сказать ему, что она от Кирилла – видимо, это был знакомый Германа, устроивший ей повторную сдачу. Айша очень нервничала, чувствовала себя почти преступницей в отделении милиции, да и обстановка этому способствовала.

Вокруг были только мужчины, большинство из них – в форме, она не разбиралась в званиях и должностях, мечтая только о том, чтобы всё поскорее закончилось. Найдя нужного сотрудника, представилась. Это был крупный мужчина с маленькими глазками и огромным животом. Он смотрел на Айшу из-под густых, нависающих бровей и видел в ней явно не ту, кем она являлась. Во всяком случае, ей было стыдно от его взгляда. Будто бы она втянула его в это незаконное мероприятие и он прекрасно всё знает про её сущность. Он отвёл её к дверям класса и сказал ждать, пока будет заходить вся группа, чтобы войти с ними.

Теорию она сдала. До сих пор не знает, то ли действительно хорошо сдала, то ли её пропустили по благу. Потом было вождение. Мотор у неё пару раз заглох – машина незнакомая, и Айша очень волновалась, потом сшибла стойку, когда совершала манёвр задним ходом, пере-нервничала не на шутку. В итоге, прождав пару часов, получила новенькие права. Ура! Это свершилось!

Сразу набрала Германа:

– Гера, я закончила тут.

– Да, птичка. Ну и как? Всё в порядке?

– Да! У меня теперь есть права! Спасибо тебе, люблю тебя. Ты – мой волшебник!

Обратно она уже не шла, а буквально летела. Не замечала дома, людей, погоду. Мысль была только одна: она теперь может ездить сама за рулём! У неё есть и машина, и права! И всё это благодаря Герману. Значит, он её всё-таки любит! Столько для неё сделал!

Ей уже не терпелось приехать, сесть за руль – машина стояла возле её дома – и поехать на работу, похвастаться девчонкам. Но сбыться этим планам было не суждено.

* * *

Герман отправил Айшу сдавать на права – наконец-то, сосед Серёга договорился. Давно ему обещал, но всё никак не складывалось. Герман частенько обменивался услугами с приятелями и знакомыми. Расплачивались не деньгами, а помощью в решении каких-то вопросов. Эта схема устраивала всех участников «натурального обмена» и была популярна в его среде. Серёге он, в свою очередь, достал редкие запчасти для его машины и устроил на ремонт к своему приятелю в крутой автосервис, где очередь – от сегодня до завтра.

Айше, конечно, нужны права. Ездит она уже более-менее сносно. Он даже не ожидал, что она так быстро освоится. Машину он ей купил уже давно, а вот ездить без прав нельзя. Это неудобно всем, и в первую очередь ему. Приходится возить её за продуктами, иногда заезжать за ней, помогать по работе что-то подвезти, а так она будет самостоятельно решать свои вопросы.

Всё чаще она оставалась ночевать у него, хотя сама жила в отдельной квартире тётки. Настоятельно звала его к себе и предлагала съехаться. Но Герману не хотелось менять свой привычный образ жизни. Так он живёт как холостяк, сам себе хозяин. Да и мать под присмотром. Она сдала в последнее время – ноги у неё болели, на улицу женщина почти не выходила и болезненно воспринимала перспективу остаться одной. Накануне Алевтина Васильевна учинила ему очередной допрос с пристрастием.

– Нет, ну ты мне скажи, что ты с ней собираешься делать? Ты же видишь, что она от нас не вылезает. Ты собираешься жениться? – Алевтина Васильевна вошла к сыну с чашечкой свежесваренного кофе в элегантной руке, пусть с не очень свежим, но обязательным маникюром. Её неизменный бархатный халат повторял контуры некогда совершенной, а сейчас чуть поплывшей фигуры, что в её возрасте было совершенно допустимо.

Герман сидел в изрядно прокуренной комнате, балкон был открыт настежь – в него нагло врвалось полуденное мартовское солнце, которое тут было никому не нужно. Плотные шторы, всегда стоящие на страже полумрака, были немного сдвинуты – Герман в кои-то веки решил проветрить помещение, и теперь сигаретный дым клубился кольцами в ярких лучах.

– Мать, я же просил тебя, не вмешивайся.

– Твоя мать старая и больная. – Алевтина нарочито тяжело опустилась в кресло возле компьютера. – А ты так и норовишь оставить меня совсем одну. Вот как я буду тут?

– Почему ты решила, что останешься одна?

– Сперва твой отец меня бросил, а теперь и ты собираешься. Правильно говорят, что мужики все одинаковые – к сыновьям, оказывается, это тоже относится.

– Как интересно! У тебя каждый раз, в зависимости от обстоятельств, меняется версия о разводе с отцом. – Герман пересел на подлокотник старого огромного кресла, в котором сидела мать, и обнял её за плечи. – Ну что ты как маленькая! Я же знаю, что ты сейчас специально всё это говоришь. Отец не бросал тебя. Ты сама с ним развелась. И я не собираюсь тебя бросать.

Алевтина прижалась головой к груди сына.

Да, про мужа она, конечно, приврала. Она действительно сама предложила развестись, когда Герману было всего-то три года. Да и вообще жалела о замужестве, решившись на это лишь ради того, чтобы у сына в документах было всё как положено. У неё всегда было множество ухажёров. Алевтина работала и крутилась в таких сферах, где женихи были как на подбор – актёры, режиссёры, искусствоведы, критики, сценаристы. Замуж она не хотела, ей нравились свобода, независимость. К тому же это придавало флёр загадочности. Ей нравилось красиво одеваться, благо могла себе это позволить. Заказывала одежду у портнихи, доставала импорт-

ные туфли и сумочки через знакомых и даже в годы тотального дефицита была всегда «упакована» с головы до ног по последней моде. Ну и зачем такой женщине рядом брюзжащий муж?

Молодость – яркая, полная интересных событий и страстных романов – пролетела, и ближе к сорока женщина поняла, что её бабий век не вечен, – решила родить ребёнка. В отцы выбрала одного из видных и популярных тогда телеведущих – Виктора Кузина, который недавно, на пике своей карьеры, развёлся – в его профессии было модно менять жён на взлёте – и активно приударял за высокой, статной, в самом соку Алевтиной.

Встречалась она с ним с целью забеременеть. Со здоровьем у Алевтины было всё в порядке, цель была достигнута быстро. Узнав, что беременна, обсудила с матерью, с которой жила вместе, и они решили, что нужно расписаться, чтобы у ребёнка был отец, хотя бы на время беззаботного детства.

План полностью осуществился. Герман родился в полной семье, в любви матери, отца и бабушки. Через некоторое время отец ребёнка начал догадываться, какую роль ему уготовили. Отношение жены любовью было назвать нельзя. Она всё время требовала новых нарядов, денег, затеяла разменивать и ремонтировать квартиру. В то же время на телевидении, где он работал, с ним расторгли договор по двум топовым передачам. Виктор запил. Такое развитие событий не входило в планы Алевтины, и она подала на развод. Зато потом всю жизнь периодически, когда была не в настроении и хотела от сына чего-то добиться, рассказывала душеспитательную историю о том, как её бросил муж с ребёнком на руках.

Герман хорошо знал мать и иногда подыгрывал ей.

Но сегодня он был очень занят – «горела» одна крупная сделка, требовалось его внимание, ему было не до долгих разговоров с матерью, на которые та явно была настроена.

– Мама, Айша со мной. Мне с ней хорошо. Ну, я же мужик, не могу же я без женщины. И меня, и её устраивают наши отношения. Жениться не собираюсь, она знает, и тебе об этом говорю. От тебя не съезжаю, хотя мог бы жить у неё, но я здесь, как видишь.

– Вот помянешь моё слово, она молодая женщина, экзальтированная, влюблённая в тебя, как кошка мартовская, а кошкам нужны котята. Принесёт тебе котят – не отвертишься!

– Ма-ма! – Герман встал, подал матери руку и жестом показал на выход из комнаты. – Прости, у меня работы по горло, а сейчас ещё и Айша приедет, тоже будет мне мешать.

Алевтина Васильевна тяжело встала – всё-таки возраст, взяла сына под руку и в его сопровождении дошла до выхода из комнаты.

– Ты – мой подарок от жизни. – Она чуть пригнула его голову, чтобы дотянуться до щеки, и поцеловала его.

* * *

Айша вошла в подъезд дома Германа. Дом был большой, так называемой поздней сталинской застройки. Огромные двери в подъезд, несколько ступеней до лифта, перед которым – просторный холл с высоченными потолками и лепниной. В своё время такое жильё строились для чиновников. Со временем жильцы разменивали квартиры, съезжали, кто-то умирал, передавал по наследству, и постепенно часть жилья стала коммунальной. Кстати, в соседнем подъезде всё ещё – дело было в 2008 году – оставались коммунальные квартиры.

Айше нравились и дом, и подъезд, и квартира. Хотя она была не избалована и готова жить там, где есть близкие ей люди, но именно этот дом обладал какой-то семейной фундаментальностью. От орехового цвета каменного фасада и до огромных окон с двойными рамами, между которыми зимой можно было хранить банки с квашеной капустой и сливочное масло, – всё здесь ассоциировалась у неё с домом для большой и дружной семьи. Вот только семьи никак не получалось.

Старый уставший лифт медленно спускался с восьмого этажа, волоча за собой толстые жгуты металлических тросов, удерживающие его в этой тесной шахте, как держат помочи ребёнка, только что научившегося ходить. Лифт умеет ездить уже десятки лет, а «помочи» забыли открепить, вот он и вынужден с ними мириться, ворчать от безысходности и мечтать когда-нибудь освободиться от этих бесполезных уз.

Айша поднялась на этаж Германа, позвонила в дверь. Свои ключи остались в другой сумке. Стояла долго. Она словно видела сквозь двери, что происходит в квартире. Алевтина Васильевна сидит в своей комнате или пьёт чай на кухне. Звонок слышит, но подходить к двери принципиально не собирается – она никого не ждёт. Герман за компьютером, увлечён, скорее всего, в наушниках, звонка не слышит. Так она и будет стоять, звонить, пока он не прервётся и не выйдет к ней. Звонить на мобильный тоже бесполезно – номер недоступен.

Пока ждала, настроение праздника от полученных водительских прав почти пропало. А так хотелось разделить его с Германом, пока эмоции не остыли...

Она присела на широкий подоконник в подъезде, достала из сумочки новую книгу Джоджо Мойес с говорящим названием «Где живёт счастье» и погрузилась в сюжет. Любившая читать с детства – порой вот так же, на подоконнике в подъезде, – она и не заметила, как пролетело пару часов. Затекла спина, и замёрзли ноги – всё-таки ещё март. Она набрала номер Германа. После пяти гудков он взял трубку.

– Алло, это я.

– Да, привет, птичка. Ты где? Что-то долго тебя нет.

– Герман, я звонила, ты не открыл. Я в подъезде сижу.

– Да ты что?! Ну ты даёшь! Поднимайся, замёрзла уже, наверное.

Айша захлопнула книгу, посмотрела в окно. На улице уже стемнело, и в отражении стекла она увидела красивую девушку с печальными глазами и чуть растрёпанными волосами. Она улыбнулась своему отражению.

– У нас тоже всё получится, – сказала Айша той девушке в окне. – Он же любит нас, просто не знает об этом.

Она с лёгкостью взлетела по ступенькам и обняла стоявшего у двери Германа.

Потом они ужинали на кухне. Обсуждали историю с правами и ГАИ. Она рассказывала, как стеснялась того самого толстяка, к которому её отправил Герман, показывала в лицах сцену их встречи, комично пародируя сотрудника ГАИ. Сегодня даже Алевтина была какая-то на редкость тихая. Зашла к ним на кухню, здороваться, конечно, не стала, но присела за стол и выпила свой кофе с ними. Тут уже Айша смутилась и перенесла их вечернее пиво в комнату к Герману. Мол, продолжим там, спокойной ночи.

Ночь, конечно же, была беспокойной.

Как она любила их ночи! Именно там, в ночных объятиях, она ощущала себя по-настоящему любимой, уходили прочь все её сомнения и мысли об одиночестве; они были действительно одним целым, сливаясь без остатка и погружаясь друг в друга до донца.

Утром она проснулась от трели будильника и телефонного звонка одновременно. Трезвон стоял на весь дом. Была суббота. Айше не нужно было ехать в офис, в выходные в группах работали дежурные воспитатели – на случай если кто-то из родителей занят и привезёт детей. Глянула на часы – восемь утра. Герман не слышал ни телефона, ни будильника.

– Гера, что у тебя всё звонит? Ты вставать хотел? – Она нежно потормошила его за плечо.

Он потянулся и выключил телефон. Посмотрел на часы и буквально вскочил с постели. Айша с изумлением наблюдала за его резким пробуждением. Обычно, чтобы встать, ему нужно было минут сорок и обязательный кофе в постель, который она с радостью приносила. В её отсутствие это делала мать.

– Птичка, ты можешь ещё поваляться, – сказал он, натягивая футболку и тренировочные штаны, – а я решил бегать по утрам. Пробежусь и вернусь, потом в душ – и будем завтракать.
– Бегать? – От неожиданности она села в кровати. – С кем бегать?
– С кем? – повернулся он к ней, стоя посреди комнаты. – Какая ты проникательная! Вернусь и всё расскажу.

Есть такое выражение: «Сон как рукой сняло». Сегодня это было про неё
– Айшу будто окатили холодной водой.

Герман буквально испарился из квартиры, мелькнув на пороге новыми штанами и кроссовками.

Айша сидела на кровати, не понимая, что случилось. Они собирались сегодня завтракать вместе. Вчера он ей обещал, что встанет пораньше, сказал, что они поедут вместе гулять по Москве, хотя он терпеть не мог нигде гулять, максимум, на что соглашался, – это колесить на машине, высматривая достопримечательности из окна, а тут ради неё вдруг согласился. Она с вечера была в предвкушении этого утра, и вдруг такой поворот. От этого непонимания мысли крутились в голове как бешеные. Приходили на ум самые невероятные объяснения происходящего.

К глазам уже подступили предательские слёзы, с которыми она так и не научилась справляться. Слёзы сами по себе наполняли глаза и выплёскивались наружу огромными каплями, стекая по щекам. Именно такие слёзы не переносил Герман. Возникали они не в глазах, а где-то в груди от огромной обиды за себя.

Обида, как огромное живое существо, заполняла Айшу изнутри, сжимала сердце, не давала дышать, затуманивала сознание.

Чтобы как-то пережить это состояние, организм в ответ рождал водопад слёз, стараясь омыть душу, но становилось ещё хуже. Она начинала злиться на себя за неумение сдерживать эмоции. Побороть обиду не получалось, и она переставала трезво оценивать ситуацию. Так и сейчас. Нет бы подумать, что же на самом деле происходит, ведь, может, ничего страшного и нет – ну подумаешь, бегать пошёл! Нужно порадоваться за человека, так нет, она сидит и рыдает, как маленькая.

В коридоре хлопнула дверь в ванную – Алевтина пошла совершать утренний моцион. Это был целый ритуал. Часа полтора в ванную будет не попасть. «Ну вот, не успела», – подумала Айша. Так происходило не в первый раз. Особенно когда времени с утра в обрез и нужно торопиться на работу, этот занятый навечно санузел раздражал. Она даже держала запасное полотенце и зубную щётку, чтобы умыться на кухне. Хотя сейчас то, что матери Германа ближайши́е полтора часа не будет на кухне, ей было на руку. «Нужно всё-таки взять себя в руки и приготовить завтрак. Потом разберусь, что происходит и куда он умчался», – подумала она.

Айша встала, застелила постель – они спали на раскладном диване, она у стены, а Герман с краю. Хотя с его ростом он занимал почти всё пространство, колени свисали с края дивана, а она всегда оказывалась вжатой в стену и старалась придвинуться к нему как можно плотнее, ощутить его всем телом. Сегодня ночью он отказал ей в близости, сославшись на усталость. Раньше такого никогда не было. Ещё и этот побег с утра. Тревожные мысли не отпускали Айшу; занимаясь обычными утренними делами, она то и дело возвращалась к произошедшему.

На кухне было по-весеннему солнечно и свежо.

Через открытую настежь форточку доносились трели птиц, радостно извещающих всех, что пришла весна.

Однако солнечные лучи, щедро освещавшие пространство небольшой кухни сквозь тюль, подчёркивали запущенность и огрехи старого ремонта. Старая эмалированная четырёхконфорочная плита, местами потерявшая свою белую эмаль, наверное, ещё застала хозяев бывшей

коммуналки и уж точно помнила Германа в детстве. Айша представила, как маленьким он сидел на этой кухне в детском деревянном стульчике и уминал кашу серебряной ложечкой... Она достала яйца из холодильника, такого же древнего, как и плита, и стала готовить омлет, с трудом сдерживая слёзы и пытаясь отвлечься мыслями о вечных рабочих задачах.

Пока готовила, позвонила Наташа, долго объясняла, что у них в одном из отделений произошла накладка и три воспитателя не вышли на работу. Сегодня выходной, заменить некем, не могла бы она приехать. Она ещё долго извинялась, объясняла, что сама не может справиться с ситуацией, хотя сегодня её дежурство, что-то про свою маму, парня... Айша не слушала. В голове пульсировала только одна мысль: не получится вместе с Герой провести этот день. Да уж, с утра не задалось. Нужно быстро есть и ехать на работу. Ещё и эта бегунья на её голову!

– А у тебя хорошо получается! Давно бегаешь? – Герман с трудом держал темп, заданный его спутницей.

– Да, я со школы как начала бегать, так и занимаюсь. Я же в институт физкультуры поступила. Не то чтобы хотелось, но так уж вышло. Да и ездить недалеко, на Сиреневый бульвар всего-то, не через всю же Москву. – Юля бежала легко и грациозно.

– Ну ты даёшь! Хорошо выглядишь, хотя в школе ты вроде бы полненькая была.

Герман повстречал свою бывшую одноклассницу на днях в магазине у дома. Выяснилось, что после очередного развода она опять вернулась в родительскую квартиру и они снова соседи по подъезду. Она и предложила ему бегать по утрам. Он сам удивился тому, с какой лёгкостью согласился. Что его привлекло в этой идее? Трудно сказать. Может быть, сам вид стройной и подтянутой Юли, хотя в его памяти она была совсем другой. В школе он совсем не обращал на неё внимания. А может быть, идея получения с утра заряда бодрости показалась ему привлекательной. В любом случае он согласился, и они даже вместе сходили в соседний спортивный магазин и выбрали ему новый спортивный костюм и беговые кроссовки.

С Юлей было легко, словно они дружили и в школе. Как-то быстро завязался разговор, прошлись, покурили вместе, после покупки посидели в соседнем кафе. Вечером приехала Айша, и он совсем забыл про своё намерение бегать утром, пока не зазвонил будильник. И вот теперь он бежит по Измайловскому парку, еле поспевая за этой молодой женщиной, чувствуя себя сильно отстающим. Думал, выйдет лёгкая такая пробежка, но Юля бежала по-серьёзному.

– Зачем тебе это? Хочешь быть вечно молодой? – спросил Герман, пытаясь отдышаться, согнувшись и оперев руки в колени. С непривычки кололо в боку, дыхание курильщика сильно сбивалось. Бежать было реально трудно.

– Я так отдыхаю. Отключаюсь от реальности, когда бегу. Знаешь, третий развод дался мне очень тяжело, если бы не бег, вряд ли бы выдержала.

– Интересный способ. Кто-то выпивает, а кто-то бегают, оказывается.

– Ну, и для здоровья, конечно. – Юля улыбнулась и стала делать растяжку. – На сегодня всё, а то, я смотрю, ты совсем вымотался.

– Да, нет. Нормально. Втянусь, быть может. Пойдём ко мне, кофейку выпьем.

– Спасибо, что пригласил, но неудобно, наверное. Ты же не один живёшь?

– Да, я с матерью живу, и подруга у меня есть. Как раз она сегодня дома ещё. Замечательный завтрак готовит. Пойдём, как раз хорошо подкрепиться после такой нагрузки. И я тебе наши школьные фотографии покажу – помнишь, я много фотографировал, может, и тебя на них найдём.

Едва закончив накрывать на стол, Айша услышала звонок в дверь. Поспешила открыть – наконец-то он пришёл. За дверью стоял раскрасневшийся довольный Герман и какая-то женщина – судя по виду, его ровесница.

– Девочки, знакомьтесь. Это Юля, моя одноклассница и соседка. – Герман пропустил Юлю вперёд, чуть подтолкнув. – А это Айша, моя подруга, иногда у неё получается восхитительный кофе – надеюсь, что сегодня такой день.

Они прошли в квартиру. Герман проводил Юлю в комнату.

«Как хорошо, что я успела застелить постель и сварить кофе. Вот тебе и сюрприз – Юля. Этого ещё не хватало. Кто такая и зачем он её привёл?» – Айша разогрела завтрак и решила ещё испечь тостов. Ну вот зачем он так сказал про кофе. Опять вроде бы похвалил, а вроде и посмеялся. Тут же внутри неё проснулось озеро слёз и начало предательски передавать их по трубопроводам к глазам.

Она принесла в комнату завтрак, поставила на маленький столик на колёсиках, который они вместе купили недавно на вернисаже в Измайлово у одного художника по дереву. Их первая совместная покупка для дома.

Герман с Юлей сидели у компьютера и с увлечением разглядывали школьные фотографии.

– Птичка, ну, ты всё? Уезжаешь на работу? – Герман обернулся, прервав своё общение с гостьей. После общения с Наташей она написала ему, что её вызвали в офис.

– Ты же собирался меня отвезти? – Айша еле сдерживала предательские слёзы, которые уже почти переполнили глаза. Заплакать в такой ситуации было бы очень глупо, но она реально чувствовала себя абсолютно лишней в этой квартире; обида поднималась в ней, росла, захватывая её всю изнутри.

– Давай ты сегодня сама. К вечеру созвонимся.

В этот момент в комнату вплыла Алевтина Васильевна.

– О, у тебя гости? – обратилась она к сыну.

– Да, мама, это Юля – помнишь, мы вместе учились, она опять к родителям переехала, так что мы снова соседи.

– Доброе утро, Алевтина Васильевна, вы совсем не изменились, прекрасно выглядите! – Юля с улыбкой встала из-за компьютера и протянула руку Алевтине.

– А, Юлечка, помню, помню. Рада тебя видеть у нас! Ты что же, не замужем, раз к родителям вернулась? Или ты с мужем переехала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.